

Введение

Термин «копты» восходит к арабскому названию жителей Египта, заимствованному из греческого (от айгюптиос «египтянин»). После арабского завоевания коптами стали называть египтян-христиан в отличие от египтян, принявших ислам. Сделавшись арабоязычными приблизительно с XII в., египтяне-христиане сами стали называть себя коптами, а свой природный язык — коптским. Когда же европейская наука впервые заинтересовалась изучением языка коптов, название «коптский язык» вошло в научный обиход. Этим термином стали обозначать позднейшую ступень развития древнеегипетского языка, которая имеет особую, в принципе отличную от древнеегипетской (иероглифика, иератика, демотика) систему письма — алфавитную, которой египтяне-христиане, копты, стали пользоваться со второй половины II в. (первые коптские письменные памятники дошли до нас от конца III в.).

Введение алфавитной системы письма было связано с распространением в Египте христианства.

Copte 13 1r

С тех пор как после завоевания Александром Македонским Египет стал частью эллинистического мира, греческая культура пышно расцвела на египетской почве, впитав в себя местные элементы и создав за века греческого господства одну из самых блестящих и своеобразных ветвей эллинистической культуры. Однако владела этой культурой верхушка общества — как греческая ^[1] по происхождению, так и грецизированная египетская, — и эта блестящая культура была отделена пропастью от безграмотных народных масс.

Когда Египет при Октавиане Августе (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) стал римской провинцией, это не внесло существенных изменений в характер его общественного и политического строя. Желая сохранить Египет для себя лично как колоссальную доходную статью, дававшую императору большую экономическую силу, Август даже запрещал знатым римлянам посещать Египет без своего разрешения. Август выступил в качестве преемника Птолемеев, сохранив существовавший бюрократический аппарат. Греки по-прежнему господствовали в Египте. Но власть Рима всей тяжестью легла на население. С самого включения в состав Римской империи Египет рассматривался как источник доходов ^[2]. Налоги росли и умножались (существовало более 450 разного рода налогов и поборов). Бюрократический аппарат, и без того громадный, все увеличивался, усиливая

жестокий гнет и репрессии в попытках выжать больше доходов от нищавшего населения. Документы сохранили немало свидетельств о зверских расправах с неспособными налогоплательщиками. Мелкие земледельцы разорялись, росло крупное частное землевладение; его рост особенно наблюдается в III в.

Такая обстановка в стране создавала благоприятную почву для распространения идей христианства. Люди не

только стремились утешить себя надеждами на блаженство в жизни будущей, но и искали в христианстве основы для идейного объединения, взаимной поддержки. В условиях социальной несправедливости и гнета людей привлекала идея конечного торжества справедливости. Чувство человеческого самосознания у этих забитых, унижаемых людей находило моральную опору в сознании своего духовного превосходства. На этой почве в Египте появилась своеобразная форма протеста против социальной действительности — возник институт отшельничества (а позднее и монашества, киновитизма). Окруженный пустынями, Египет не давал возможности бежать от властей предержавших, но анахорет, предельно ограничив свои потребности, находил в пустыне надежное убежище и выходил из сферы юрисдикции администрации. Хотя отшельники заботились только о спасении своей души, их пример — сам факт их протеста, сам факт их существования — оказывал огромное влияние и способствовал более широкому распространению христианства среди народных масс. Принимая христианство, они выражали этим свой протест против угнетателей, поскольку греческая верхушка — землевладельцы и чиновники — еще долгое время оставалась языческой. Гонения на христиан со стороны римской администрации, вспышки которых следовали одна за другой и которые особенно усилились в конце III—начале IV в. (коптское летосчисление даже велось по «эре мучеников», или «эре Диоклетиана», с 284 г.), еще больше разжигали антагонизм.

Copte 129 11r

В этой обстановке зародилась коптская письменность, которая была создана переводчиками Писания с греческого на египетский язык, поскольку та система письма, которой тогда пользовались египтяне, была для этой цели непригодна.

Государственным языком страны был греческий. Греческий язык обслуживал культурную верхушку общества. Тексты, написанные египетским письмом, так называемым демотическим, кроме чисто деловой сферы (документы, главным образом частно-правового характера), области науки (в основном медицины) и магии обслуживали художественные потребности сравнительно узкого круга египетской интеллигенции. Демотическое письмо в силу своей сложности требовало годы для овладения им, и уже только по этой причине изучение его в массовых масштабах было невозможным. К тому же и сам характер демотики, приспособленной к традиционной передаче египетских слов и неспособной точно передавать звучание, делали ее неприемлемой для записи на египетском языке христианских текстов с их особой терминологией, тем более учитывая неизбежность заимствования многих терминов и необходимость записать их таким образом, чтобы по записи можно было с достаточной точностью воспроизвести их в речи. Сами египтяне признавали неоспоримое удобство, простоту и точность греческого алфавитного письма.

Первые известные нам попытки написать египетские тексты греческими буквами восходят еще к III в. до н. э. В греческом Гамбургском папирусе № 627, написанном в 246—245 гг. до н. э., есть вставка в полторы строки на египетском языке. К III в. до н. э. относится и фрагмент греко-египетского словаря, где египетские слова написаны греческими буквами. Среди граффити на стенах Абидосского храма есть одно, написанное по-египетски греческими буквами около 200 г. до н. э. От первых веков нашей эры сохранилось более десяти египетских текстов, которые вошли в науку под названием старокоптских. Это древние магические тексты на архаическом языке, не отражающие в отличие от коптских живой язык эпохи. Написаны они греческими буквами с применением демотических знаков для обозначения звуков, отсутствующих в греческом языке. Их переписчики не имели еще в своем распоряжении единого коптского алфавита, каждый пользовался более или менее индивидуальным, и они разнились один от другого в части добавочных демотических знаков.

Переводчики Священного писания должны были выработать единый коптский алфавит, который и стал стандартным. Просветительно-культурная роль этих переводчиков была очень велика. Их основная и неоценимая заслуга состоит в том, что они дали египетскому народу удобное и простое письмо, благодаря чему грамотность могла широко распространиться среди народных масс. Кроме того, они своими переводами создали определенную литературную норму, тем самым открыв путь для развития новой, коптской литературы.

Первые переводы Писания были сделаны на саидском диалекте, который в ту эпоху, по-видимому, был языком наиболее образованных египтян, и на базе этих переводов возник в III в. первый литературный коптский язык — литературный саидский диалект, на котором творил и крупнейший коптский писатель Шенуте (см. ниже).

MS M.588 fol. 1v

После того как в 20-х годах IV в. христианство стало официально признанной религией, в Египте появились первые монастыри (киновии). Самый первый, Табеннесе, был основан Пахомом в 320 г. Положение народных масс не улучшилось после официального признания христианства. Гнет был по-прежнему тяжелым, и многие крестьяне, измученные притеснениями, бежали в монастыри. С самого начала коптские монастыри стали в оппозицию к официальной церкви. Так, например, Пахом запрещал своим монахам принимать духовный сан, чтобы сохранить независимость от епископа. Монастыри стали центрами народной египетской культуры. Уже Пахом требовал, чтобы монахи учились грамоте. В монастырях же были созданы и первые оригинальные коптские произведения. Настоятель Белого монастыря Шенуте (333—451), автор множества сочинений, стал классиком коптской литературы. Богатый, эмоциональный и красочный язык Шенуте остался непревзойденным образцом для последующих коптских писателей. Монастыри были не только убежищем для притесняемых, но и активными борцами с администрацией и землевладельцами. Осуждая злоупотребления последних, Шенуте выступал с яркими, гневными речами. С этой борьбой была неразрывно связана борьба против язычества, которую вели в IV в. коптские монастыри.

Монастыри поддерживали живой контакт с окружающим населением — и экономический, и культурный. Не только монахи обучались в монастырях грамоте. При монастырях создавались школы для обучения населения. Монастырям принадлежит главная роль в истории коптской рукописной книги. Они были и центрами книжного производства, и крупнейшими книгохранилищами, и главными очагами создания оригинальной коптской литературы. Эту роль они сохраняли и в течение нескольких веков после арабского завоевания. Наибольший расцвет коптского книжного производства относится к концу I— началу II тысячелетия. Однако постепенное отмирание коптского языка, вытесняемого арабским, привело к сужению его роли, ограничению его областью богослужения (но даже и богослужебные тексты в большинстве случаев стали снабжаться арабским переводом). Начиная с середины II тысячелетия коптская рукописная книга становится исключительно ритуальной и в этом качестве наряду с печатной книгой дожила до настоящего времени.

Репертуар коптской рукописной книги

На раннем этапе (III—V вв.) одной из главных особенностей репертуара коптской книги было преобладание переводной (с греческого) литературы. Создатели коптского алфавита заботились не о том, чтобы вообще дать египетскому народу простую и удобную систему письма — их целью было перевести с греческого языка на египетский Священное писание. Перевод этот — если не всех книг, то, во всяком случае, значительной части книг Ветхого и Нового завета — был сделан еще в III в.

Из основных пяти диалектов коптского языка (всего коптских диалектов и субдиалектов насчитывают около десятка) — саидского, ахмимского, субахмимского, фэйюмского и бохайрского — с первых веков нашей эры и на протяжении всей живой истории коптского языка (до начала II тысячелетия) роль литературного языка играл саидский, но на раннем этапе с ним соперничал субахмимский. От первых веков существования коптской письменности до нас дошли памятники почти исключительно на этих двух диалектах.

Помимо Писания и трудов деятелей ранней христианской церкви на коптский переводились также гностические и манихейские сочинения. Они занимают значительную часть в коптском книжном репертуаре этого периода, что является также его отличительной чертой.

Гностицизм получил особое развитие на египетской почве как результат своеобразного синтеза греческой и египетской мысли. Александрийцы (Валентин, Василид, Карпократ) были среди наиболее видных теоретиков гностицизма. Выступая как 24 одно из течений христианства, гностицизм завоевал некоторую популярность среди египетского населения в III—IV вв., и переводы на коптский язык гностических сочинений относятся к этому времени. Коптский гностический фонд включает в себя произведения следующих жанров: евангелия, апокалипсисы, апокрифические деяния апостолов, трактаты, послания, поучения, толкования.

К IV в. относится пропагандистская деятельность манихеев в долине Нила. Манихейские сочинения — как труды самого Мани (ум. в 276 г.), так и его учеников, толкователей и комментаторов, — дошли до нас в коптских переводах IV—V вв. Это «Кефалайа» («Основы») Мани, послания Мани и его учеников, толкования на «живое Евангелие» Мани, гомилии и псалмы.

Христианская церковь преследовала эти учения как еретические, и в Египте они не пережили V в., но, как

это ни кажется парадоксальным на первый взгляд, именно благодаря этому коптские переводы гностических и манихейских сочинений сохранились до настоящего времени. Целая библиотека, принадлежавшая гностической общине, была во время преследований зарыта в песках пустыни и почти невредимой дошла до нас через полторы тысячи лет. Таким же образом сохранилась и библиотека манихейских сочинений, по-видимому принадлежавшая главе манихейской общины в Египте. Интересно отметить, что гностические труды почти все на саидском диалекте, а манихейские — на субхмимском. Большинство этих сочинений было ранее неизвестно науке или известно только в отрывках и упоминаниях у греческих авторов.

MS M.612 fol. 1v

Оригинальная коптская литература вообще количественно уступала переводной, особенно в ранний период ее существования, когда ее развитие было ограничено узкими рамками. Ее появление было вызвано практическими надобностями, и в ее задачи не входило удовлетворение эстетических потребностей общества: назначение ее было чисто утилитарным. Это характерная особенность коптской литературы раннего периода. Она зародилась в монастырях, и первыми коптскими авторами были их настоятели, начиная с Пахома, основателя первых монастырей (320 г.). Жанры коптских произведений того времени — уставы, поучения, проповеди, речи и послания. Главным образом, конечно, они касались внутримонастырской жизни, отношений монастырей друг с другом и с окружающим населением. Но первые монастыри, как говорилось выше, принимали активное участие в борьбе с греческой администрацией, со злоупотреблениями землевладельцев, и отголоски этой борьбы дошли до нас в посланиях и речах настоятелей монастырей, главным образом настоятеля Белого монастыря Шенуте.

Деятельность Шенуте была широка и разнообразна. Он управлял Белым монастырем и монашескими общинами вокруг него, сжигал языческие храмы, боролся с чиновниками, выступал против притеснений крестьян землевладельцами, принимал у себя высших представителей администрации — комитов и префектов. В его сочинениях мы встречаем то изложение теории о труде как о прирожденной потребности человека, то перечень правил монашеского общежития — и с моральной, и с формальной, и с экономической стороны, то рассказы о нашествии блеммиев, то страстное обличение

притеснений народа. Но даже обилие тем, затронутых Шенуте, не сделало бы его произведения столь значительным явлением, если бы не их высокая художественная ценность. Шенуте обладал не только страстностью борца, властностью и энергией, он обладал большим писательским и ораторским талантом. Дошедшие до нас его произведения отличаются силой убеждения и мастерством изложения. Его богатый, красочный язык при всей силе и свободе выражения отточен почти до совершенства. Высшее достижение коптской литературы, он остался на века непревзойденным образцом для коптских писателей. Произведения Шенуте пользовались у коптов огромной популярностью, постоянно переписывались и в течение почти тысячелетия составляли значительную часть коптского книжного репертуара.

С течением времени репертуар коптской книги обогащается как в области переводной, так и оригинальной литературы. С греческого продолжают переводиться произведения отцов церкви и других христианских деятелей. При этом следует учесть, что и коптские епископы и патриархи писали главным образом по-гречески и их послания в монастырях переводились на коптский. Так, например, пасхальное послание Афанасия Александрийского, написанное в 367 г. по распоряжению Феодора, преемника Пахома, было переведено на коптский, «чтобы служить для руководства».

С конца IV в. появляются произведения житийного жанра — жития Пахома и его преемников, рассказы о монахах и отшельниках — записи на греческом и коптском языках, составившие большой цикл (конец IV—середина V в.), известный в науке под названием «Изречения египетских отцов». Здесь в коптскую литературу впервые проникают фольклорные элементы.

Оставаясь по сфере употребления провинциальной, коптская литература была вместе с тем и более народной по характеру и назначению, чем греко-египетская литература, создание египетских греков и грекоязычных египтян. Она сохраняла многие черты народного, притом истинно египетского духа. Характер египетской литературы на всем протяжении, с самых древних времен (с III тысячелетия до н. э.) показывает нам, что египтянам всегда была свойственна, с одной стороны, любовь к дидактике, а с другой — любовь к волшебным вымыслам, чудесам, таинственным знаниям и магической силе. Это ярко проявляется и в коптской литературе, казалось бы столь отличной во всех отношениях от древнеегипетской.

«Высокая» коптская литература — произведения настоятелей монастырей и других духовных глав коптов — носила преимущественно назидательный характер, но и самые сухие поучения пользовались у коптов большой популярностью.

В изречениях пустынных и в легендах о них поучительный элемент переплетается со сказочным. Здесь литература теряет свой исключительно нравоучительный характер и становится в какой-то мере и развлекательной, служит удовлетворению и эстетических потребностей.

Целый цикл легенд был создан о монахах монастыря Шиэт — настолько знаменитого,

что название его, в греческой форме «Скетис» (рус. «скит»), стало нарицательным. Сказания о монахах Нитрийской пустыни распространились по всему христианскому Востоку, и некоторые из них вошли в русские Четьи-Минеи.

К IV—V вв. относятся коптские письменные памятники церковно-исторического содержания. Копты переводили с греческого соборные постановления, списки участников соборов, но особенно охотно — повествования о них, которые давали пищу их живому воображению, дополнялись и переделывались ими, а также служили толчком к созданию подобных рассказов. Тут уже в центре внимания оказывались, разумеется, коптские деятели; они становились героями событий и вершителями истории. Шенуте, который не выезжал за пределы Египта, оказался участником 1-го Эфесского собора (431 г.), на который он, согласно легенде, сопровождал патриарха Кирилла. Героем целой эпопеи был Диоскор, преемник Кирилла, который председательствовал на 2-м Эфесском соборе (449 г.) и добился вселенского торжества коптского вероучения. Но после осуждения монофизитов на Халкедонском соборе в 451 г. он был сослан императором Маркианом. Диоскор был окружен в глазах египтян ореолом мученичества, а присылаемым из Византии в Александрию патриархам-дифизитам они отказывались подчиняться и угрожали; в городе и стране вспыхивали волнения. Вся эпопея с отплытием Диоскора на собор и его деятельностью там, расцвеченная богатой фантазией египтян, нашла широкое отражение в коптской литературе. Сохранились также записки Диоскора и его письмо к Шенуте.

От времени арабского завоевания до нас дошел большой исторический труд — «Хроника» Иоанна, епископа г. Никиу. К сожалению, сохранился только эфиопский перевод этой хроники, которая была написана автором по-коптски.

После арабского завоевания начинается новый период в истории коптской литературы. Сочинения Шенуте и других коптских авторов по-прежнему переписываются и занимают видное место в книжном репертуаре. Но теперь появляется множество записей сказок, легенд, загадок. В литературу широкой волной вливается фольклор. Возникает поэзия. В это время, когда государственной религией стал ислам, в Египте не могли появиться христианские деятели такого масштаба, как Шенуте или патриарх Кирилл (который был истинным владыкой Египта и даже получил прозвание «фараон»). Не могли быть созданы произведения такого уровня и значения, как произведения Шенуте. Но вместе с тем не было и подавляющих авторитетов. Если в литературе доарабского периода все было подчинено главной идее — стремлению к нравственному усовершенствованию с целью заслужить воздаяние за гробом, то теперь в литературу» хотя она сохранила в общем нравственно-назидательный тон, проникают более теплые, человеческие, живые чувства.

Сохранилось немало образцов этого народного творчества. Во-первых, египтяне после многовекового перерыва возвращаются к одному из излюбленных жанров — историческому роману, вернее, роману-легенде, посвященному выдающейся исторической личности, хотя и лишенной исторической достоверности. До нас дошли «Роман о Камбизе» и коптская переработка греческого «Романа об Александре».

«Роман о Камбизе» с его воспеванием военной доблести египтян и восхвалением фараона, находящегося под покровительством Амона и Аписа, совершенно чужд христианскому духу, и, напротив, он поразительно близок к древним историческим романам из цикла о царе Петубастисе (царствовал на рубеже IX—VIII вв. до н. э.), сохранившимся в демотических текстах греко-римского времени. Во-вторых, появляется много записей легенд, сказок, загадок. В-третьих, возникает поэзия (расцвет ее приходится на конец I тысячелетия), подобно древнеегипетской, лишенная размера и рифмы, на ритмико-смысловой основе, предназначенная не для чтения, но для пения или речитатива. Перед строфой обычно указывалась мелодия исполнения: без нее стихи нельзя было воспринять как стихи. Ноты коптам заменял арсенал образцовых песен: для обозначения мелодии указывалось название соответствующей песни, например «Дверь», «Тайна», «Сад». Основные жанры поэтических сочинений — гимны, песни, легенды, загадки, песенно-драматические произведения. В начале II тысячелетия под арабским влиянием в коптскую поэзию проникла рифма, но коптский язык уже прекращал свое существование как живой, разговорный язык. К XIV в. относится большая поэма «Триадон», написанная на коптском с параллельным арабским текстом. В ней автор призывает коптов хранить сокровища своей культуры, изучать родной язык. Это произведение написано еще на саидском диалекте, хотя в то время роль литературного языка, вернее, языка письменных текстов перешла уже к нижнеегипетскому, бохайрскому диалекту. Это объясняется тем, что в Нижнем Египте (в Александрии, затем в Каире) находились центры коптской патриархии. Бохайрский становится единым церковным языком коптов. Его изучали в духовных и вообще в образованных кругах, подобно тому как в России изучали церковно-славянский. Саидские тексты делаются трудными для понимания. На бохайрский переводится множество саидских маририев, житий, проповедей, легенд. Помимо широкой переводческой деятельности процветает и сочинительская, почти исключительно поэтическая (в основном ритуальные гимны). Наиболее крупными бохайрскими поэтическими циклами были «Теотокии», песни в честь Богородицы, восходящие к греческим и сирийским прообразам, и псалии в честь Такла-Хайманоту, составленные в XVI в.

Copte 13 31r

Особую часть коптского книжного репертуара составляют научные и магические книги (термин «научные» здесь следует понимать не в строгом смысле слова, а шире). Главное место в области коптской науки принадлежит медицине, но она была, как мы теперь бы сказали, народной медициной, т. е. практической, прикладной; при этом многие рецепты дополнялись магическими заклинаниями и действиями. Медицинские справочники были очень популярны в народе, и, поскольку книги были дорогими, к обладателям таких справочников часто обращались с просьбой одолжить их.

Естественные науки в какой-то мере представлены двумя сочинениями. Это переведенный с греческого «Физиолог», написанный в III в. в Александрии на греческом языке под египетским влиянием, и трактат «О самоцветах», написанный в конце IV в. Епифанием Кипрским. В этих сочинениях сведения из естественной истории соединяются с толкованиями их в христианско-аллегорическом духе. Астрономия, как и медицина, носила у коптов прикладной характер (альманахи, таблицы положения звезд, расчеты теней для солнечных часов и т. п.).

Непосредственным продолжением древнеегипетской была коптская магическая литература, хотя уже с заметным христианским влиянием. В ней причудливо переплетались языческие и христианские мотивы.

К области философии можно отнести переводы с греческого изречений философов и большой мистико-философский трактат апы Себы о тайнах греческих букв. Этот трактат вместе со знаменитым трудом Гореполлона занимает особое место в коптской литературе. Сочинение Гореполлона о иероглифике «Тайны египетских письмен» (по-видимому, конец IV в.; до нас дошло в греческом переводе), о казавшейся в то время уже загадочной древнеегипетской письменности, пользовалось колоссальным успехом у египтян и греков. Очевидно, под его впечатлением апа Себа (V—VI вв.) решил объяснить начертание букв греческого алфавита, открыв в них тайный мистико-аллегорический смысл.

На II тысячелетие приходится начало коптской филологии. Вытеснение коптского языка арабским привело к необходимости сделать понятными для коптов церковную службу, Писание, а также остальные произведения, написанные на коптском. Вырабатывается специфический жанр лествиц (*scalae*): словари, сопровождаемые грамматическими очерками на арабском языке. В середине XIII в. Иоанн Саманнудский писал: «Так как коптский язык исчез из разговора, отцы уже составили лествицу, в которой собрали весь язык, все его имена и глаголы, чтобы дать пособие для перевода». Строго говоря, все эти словари не являлись словарями в нашем

понимании. Они продолжали традиционную для древнего Египта (древнейший дошедший до нас образец относится к XVIII в. до н. э.) форму энциклопедии в виде словников, разбитых на темы. Весь словарный материал дается в этих лестницах по группам — вселенная, животный и растительный мир, Египет, специальные термины и т. п. Составлялись также и грамматики коптского языка на арабском языке. В описании коптского языка копты испытывали сильное влияние арабских лингвистов. Интересно заметить, что эта работа, расцвет которой приходится на XI—XIV вв., не заглохла и позже и смыкается уже с научной коптологией на рубеже XVIII—XIX вв. Последним сочинением такого рода, составленным в традициях коптской филологии, можно назвать грамматику Туки (епископа г. Туха), напечатанную в 1778 г. на латинском языке.

Писчий материал

Книжная техника древности находилась в особенно благоприятных условиях в Египте, где еще за 3 тысячи лет до н. э. уже был известен способ производства превосходного писчего 30 материала из папируса, в изобилии произраставшего в нильских заводях ^[1]. При этом уже в древнейшие времена техника изготовления его была настолько высока, что сохранилась практически неизменной в течение последующих тысячелетий (лишь в последние века папирусной эры она деградировала). Этому способствовали свойства самого растения: для изготовления писчего материала из него ничего не требовалось дополнительно (если не считать клея).

Стебель папируса расщепляли на полосы, филюры. Плиний сообщает, что филюры отделяли от ствола папируса при помощи особой иглы. Ширина получаемых полос колебалась между 1,5 и 8 см. Их вымачивали в течение нескольких дней, отбивали деревянным молотком, снова вымачивали и снова отбивали. Затем полосы укладывались на стол, смоченный нильской водой, так, чтобы их края слегка заходили друг за друга. На уложенный таким образом слой накладывался тем же способом следующий, только полосы его располагались под прямым углом к полосам нижнего. Затем оба слоя помещались под пресс, и выделившийся сок склеивал их — так прочно, что и спустя тысячелетия слои нельзя отделить друг от друга. Если папирус и страдал от внешних повреждений, это не влияло на соединение слоев. После сушки оставшиеся неровности сглаживали с помощью инструментов из слоновой кости и раковин и отбивали лист молотком. Поверхность листа слегка покрывали клеем для придания ей гладкости, чтобы чернила не растекались вдоль волокон. Получившиеся листы приклеивали друг к другу (с соблюдением направления волокон) для получения свитка нужной длины. Клей изготавливали из самой тонкой муки, кипятка и незначительной доли уксуса; при этом клей перед употреблением должен был стоять ровно сутки.

На папирусных фабриках изготавливаемый папирус свертывался в рулоны, причем сторона с горизонтальным направлением волокон, как наиболее удобная для писания, помещалась внутри, а с вертикальным направлением — снаружи. По мере надобности от рулона отрезали свитки нужной длины. По сообщению Плиния, наиболее

употребительными были свитки, на которых помещалось 20 страниц (коллемата) текста.

Гладкий, светлый, гибкий (его можно было складывать и сжимать без ущерба), этот материал был исключительно прочным в климатических условиях Египта^[21], поскольку боялся только сырости. Потому, несмотря на широкое распространение за пределами Египта, подавляющее большинство дошедших до нашего времени папирусов обнаружено в Египте. В засыпанных песком мусорных свалках или специально закопанные в песок, они дошли до нас в огромных количествах через века и даже тысячелетия. Эти находки охватывают период с III тысячелетия до н. э. вплоть до средних веков.

Папирус изготовлялся разных сортов и размеров; чаще же всего — 20—25 см шириной, как наиболее удобный для употребления. Для особенно дорогих, роскошных изданий изготовляли папирус шириной до полуметра. По сообщению Плиния («Естественная история», 13, 12), лучший сорт папируса назывался «священным» (*hieratica*), о чем упоминает также Страбон («География», 17, 15), а при Октавиане Августе был переименован в «августовский» (*augusta*); второй сорт (прежнее название не указано) стал называться «ливневым» (*livia*) в честь супруги Августа. Оба сорта имели ширину 13 пальцев (ок. 25 см); название «священный» перешло на третий сорт (8 пальцев). Затем шел «амфитеатральный» (*amphitheatritica*, 9 пальцев), названный так по месту изготовления — в Александрии у амфитеатра, саитский (*saltica*, изготавливаемый в г. Саисе). Следующий затем «тенеотский» (*taeneotica*, в г. Танисе), низший сорт писчего папируса, продавался уже на вес. Далее шла «купеческая бумага», употребляемая для обертки (6 пальцев).

За пределами Египта папирус как писчий материал был известен задолго до н. э. Предполагают, что в Греции он появился в VII в. до нашей эры. Наиболее древний папирус, найденный в этой стране, — фрагмент из захоронения V в. до н. э., обнаруженного греческими археологами при раскопках в одном из пригородов Афин несколько лет назад. В 1962 г. севернее г. Салоники был найден полусожженный, обугленный свиток с комментариями к орфической теогонии, который датируют IV в. до н. э. В греко-римскую эпоху Египет снабжал писчим материалом весь средиземноморский мир. Как сырье папирус не вывозился. Однако известно существование в Риме папирусных фабрик, на которых улучшались более низкие сорта папируса (поскольку выгоднее было закупить в Египте дешевый папирус и улучшить его уже на месте). Так, на фабрике Фанния улучшался «амфитеатральный» папирус, и даже ширина его увеличивалась более чем на 2 см.

Лучшие сорта были более тонкими, но тонкость «августовского» доходила уже до прозрачности, и чернила просвечивали на обратной стороне; и потому при Клавдии папирус этого сорта был утолщен и увеличен в ширину почти до трети метра. Новый высший сорт получил название «клавдиевого» (*claudia*); «августовский» стал употребляться преимущественно для писем.

При Птолемах производство и экспорт папируса облагались налогом. Один из Птолемеев наложил запрет на вывоз папируса (об этом см. ниже). В эпоху поздней Римской, а возможно, и Византийской империи производство папируса в Египте было государственной монополией.

Папирусные фабрики были расположены в Александрии, Саисе и других городах в Дельте, поскольку именно там преимущественно произрастал папирус. Оттуда, с севера Египта, он развозился в другие части страны. В одном коптском письме мы встречаем следующую фразу: «Если папирус привезут на юг, непременно купи мне его».

Папирус был дорогим материалом. Еще Марциал писал о том, что чистые листы папируса являются достойным подарком. В византийском и арабском Египте техника изготовления папируса находилась в общем на значительно более низком уровне, чем в древности, хотя до нас дошли и отдельные образцы папируса достаточно хорошего качества. Очевидно, падение папирусной техники объяснялось все более широким употреблением пергамена как писчего материала; в свою очередь, плохая выделка папируса способствовала большему распространению пергамена. Однако папирус оставался дорогим материалом. Нередко уже исписанный папирус использовался вновь для письма, для чего, прежний текст смывался.

В одном коптском письме некий Суа Пекош сообщает, что посылает для переписки книги чистый папирус и листы уже исписанного на предмет возможности его дальнейшего использования.

Папирус, первоначальный текст которого уничтожен и на котором написан новый текст, называют «палимпсестом», «соскобленным». Собственно говоря, этот термин относится к восковым табличкам и пергамену и только по аналогии распространен на папирус. Текст с папируса нельзя было соскабливать, его можно только смывать.

В частной переписке нередко использовали чистую обратную сторону уже исписанного папируса, но такие примеры опистографии встречаются не только в этой области. На обратной стороне исписанного папируса могли писаться даже книги. Иногда такие листы склеивали исписанными сторонами друг к другу, таким образом получая листы двойной толщины.

Из отходов папирусных стеблей и из макулатуры путем склейки и прессования изготавливали картонаж для переплетов книг и для футляров мумий.

Из-за дороговизны папируса для документов, заметок, писем, школьных упражнений употреблялись черепки и камни— острака (или остраконы). Среди письменных памятников, найденных в Египте, острака занимают второе по количеству место после папирусов. Есть много острака и с литературными текстами (отрывки из Писания, литургических текстов, гимны, изречения, молитвы и пр.), но, конечно, об острака нельзя говорить как о материале для рукописной книги.

В коптском языке употреблялось греческое название для папируса — хартес — или просто слово «книга» — джооме. Как название растения в коптском помимо египетского слова джоуф / чомф употреблялось и слово тербейн, заимствованное из сирийского (arbana). Лишь однажды встречается греческое слово «папирус» (papyros): Иоанн, епископ г. Шмуна, говорил о произрастающем только в Египте папюрон э пекхартэс. Этимология этого греческого слова связана с египетским эпитетом «царский», поскольку при Птолемах

существовала царская монополия на производство папируса. Когда вошел в употребление пергамен, слово хартес сохранилось в значении «документ», подобно тому как у нас «бумаги» означает «документы» (иногда и в единственном числе, например «важная бумага» и т. п.). Так, в одном коптском письме автор пишет: «Пришли мне твои документы (khartés)». В коптском долговом обязательстве, написанном на известняковом остраконе, данный документ называется khartés. Эти примеры можно было бы умножить. Впрочем, в значении «документ» могло быть употреблено и слово джооме.

Папирус был идеальным писчим материалом для Египта с его сухим климатом. Хотя и за пределами Египта он мог при благоприятных условиях сохраняться веками, но эти сроки ничтожны в сравнении с тысячелетними сроками сохранности папируса в Египте. Отмечая долговечность папируса, Плиний с восторгом говорит о рукописях почти двухсотлетней давности, которые он видел у своего друга Помпония Секунды, и прибавляет: «А уж рукописи Цицерона, а также божественного Августа и Вергилия мы видим часто». Таким образом, папирусы, которым было около 200 лет, уже считались раритетом в Риме. В странах же с более суровым и влажным климатом папирус, естественно, был бы очень недолговечным^[3]. Необходимо учесть и то обстоятельство, что долговечность и сохранность древнеегипетских книг-свитков обуславливается и гораздо менее частым их употреблением в сравнении с книгами-свитками в греко-римскую эпоху, когда уровень просвещения был настолько высок, что масса литературных произведений постоянно находилась в обращении и круг читателей был неизмеримо шире. От частого перематывания и от держания в руках папирусные свитки повреждались довольно быстро, а папирусные книги-кодексы изнашивались еще быстрее.

Copte 129 14v

Кроме того, потребность в папирусе в других странах могла удовлетворяться исключительно путем его вывоза из Египта. Как сообщает Плиний, в правление Тиберия в Риме случалась нехватка папируса и из числа сенаторов назначались уполномоченные для его распределения.

Все эти факторы препятствовали широкому распространению папируса. Другой писчий материал завоевал Ближний Восток и Европу и выступил достойным соперником папируса в самом Египте. Это был пергамен.

Толчком к изобретению пергамена послужило, по преданию, соперничество между Александрийской и Пергамской библиотеками. Плиний, ссылаясь на Варрона, сообщает, что из-за соперничества царей Птолемея и Евмена в устройстве библиотек Птолемей запретил вывоз папируса и в Пергаме был изобретен пергамен. Как полагают, речь идет о Евмене II (197—159 гг. до н. э.), основателе Пергамского алтаря и Пергамской библиотеки. В таком случае его соперником должен быть Птолемей V или VI. Возможно, однако, это был просто предлог для запрещения вывоза, которое на самом деле было введено для поднятия цен на папирус. Сокращение производства папируса в этих целях засвидетельствовано, например, Страбоном; упомянутая нехватка папируса в Риме при Тиберии, по-видимому, объясняется тем же.

Как бы то ни было, из-за отсутствия папируса в Пергаме началось производство пергамена. По сути дела, это не было совсем новым изобретением — кожа как писчий материал употреблялась и в Греции, и на Востоке, даже в Египте с древнейших времен. Но пергамен получался в результате особой обработки кожи. В отличие от изготовления кожи из шкур животных изготовление пергамена исключает дубильный процесс.

Для пергамена употреблялись главным образом шкуры овец и коз, а в Египте часто и газелей. Выдержав шкуру в извести несколько дней, соскребали затем волосы, верхний слой кожи и мышечный слой. Затем, после повторной обработки известью и очистки, кожу натягивали на рамку, сушили, разглаживали и отбеливали мелом. Для самых высших сортов пергамена могли употреблять шкуры еще не родившихся животных.

Готовый пергамен был прочным, гладким, светлым. Мясная сторона — белого или сероватого цвета, волосная — желтоватая. Писать было одинаково удобно на обеих сторонах.

Нельзя сказать о том, был ли дороже папирус или пергамен: в разные эпохи и в разных местах дороже ценился то один, то другой. В начале V в. в Риме, например, больше ценился папирус, а в Малой Азии — пергамен.

Исписанный пергамен было проще пустить снова в дело, чем папирус. Ненужный уже текст довольно легко было соскоблить пемзой или острым орудием, подержав пергамен некоторое время в молоке, или же просто смыть водой. Нередко целая книга превращалась в палимпсест. Для этого ее расшивали, обрабатывали листы указанным

образом, а после написания нового текста вновь сшивали и переплетали. Так, например, книга, написанная в Монастыре Сирийцев в Вади-Натрун в 963 г., была таким способом изготовлена из коптской книги VII в. Коптский текст оказалось возможным прочесть, и из расположения листов сирийской книги видно, что прежний порядок их не сохранен, т. е. книга была расшита на отдельные листы для уничтожения текста.

Папирус, как говорилось выше, тоже можно было использовать, смыв первоначальный текст, но сделать это было труднее, чем соскоблить или смыть текст с пергамена. Пергаменные палимпсесты встречаются чаще, чем папирусные.

Письмо на пергамене выходило более четким, чем на папирусе, но зато текст на пергамене больше страдал от сырости. Металлические чернила, употреблявшиеся в византийское время, могли проедать пергамен насквозь.

Для названия пергамена копты употребляли греческое слово мембрана, чаще в форме *membranon* как эпитет к слову «книга» (джооме). В этом значении употреблялось также коптское слово шаар «кожа», а словом джооме, которое, как упоминалось, могло означать папирус, иногда, хотя и реже, пользовались для обозначения понятия «пергамен».

И папирус, и пергамен на рубеже I—II тысячелетий стали вытесняться бумагой.

Бумага была изобретена в Китае еще в II в. до н. э. Тогда ее выделывали из размоченных в воде шелковых волокон^[4], и цена ее была очень высокой. Но в 105 г. по предложению Цай Луня ее стали делать из растительных волокон. Способ ее изготовления долго держался в секрете и только в VI—VIII вв. распространился в странах Азии, где бумагу стали изготавливать из пенькового и льняного тряпья. Через Самарканд производство бумаги проникло в арабские страны и было завезено арабами в Северную Африку, Сицилию и Испанию. Из Испании оно перешло в Италию, а затем проникло во все европейские страны.

К XV в. бумага почти повсеместно вытеснила пергамен из употребления.

В Египте бумажное производство появилось в конце VIII в. (к этому времени относятся самые ранние образцы файюмской бумаги), когда папирус уже стал выходить из употребления (его производство окончательно прекратилось в X в.) и как писчий материал господствовал пергамен. Последний оставался в ходу еще несколько веков и лишь к середине II тысячелетия уступил место бумаге.

Анализ файюмской бумаги показал, что она производилась из льняного тряпья. Для ее проклейки употреблялся крахмал (но не клей животного происхождения) из пшеницы, ячменя или ржи (не из овса или риса). Крахмал не весь превращался в клейстер, и это придавало особенную белизну бумаге. Считалось, что в XII в. во Франции изготавливали бумагу тем же способом, что и папирус в Египте, но из хлопкового луба. Однако анализ показал, что это был просто папирус, завезенный с Востока. Бумага никогда не

изготавливалась из сырого хлопчатника, но среди тряпья могло попадаться и хлопчатобумажное. В Европе сначала бумагу проклеивали крахмалом, как на Востоке, но, в то время как на Востоке употребляли крахмал еще в начале XV в., в Европе уже в XIII—XIV вв. стали использовать животный клей.

Ал-Калкашанди (ум. в 1418 г.) говорил, что европейская и магрибская бумага была недолговечной и Коран писали на пергамене. Он упоминает два основных сорта египетской бумаги: большой, мансури, который не сглаживали полностью с обеих сторон, и обычный, маслух, гладкий с обеих сторон. Бумага фувви (по названию местечка Фувва около Розетты) была оберточной. Египетская бумага этого времени уступала по качеству сирийской и багдадской.

Для производства бумаги употребляли тряпье, главным образом из льна и частично из конопли (ткань и веревки); анализ показал, что в бумаге встречается некоторое количество хлопчатника и даже овечьей шерсти. Измельченное сырье вымачивали в известковой воде, толкли в каменной ступке, перемешивали в чане с водой, отформовывали на сите, натянутом на рамку, прессовали на доске и сушили. Высохшие листы натирали смесью крахмального клейстера и муки, сушили, опрыскивали вытяжкой из клейстера, снова сушили, прессовали между досками и, наконец, полировали стеклом. Толщина бумаги была от 0,17 до 0,56 мм. Листы той бумаги, которая только с одной стороны держала чернила, часто приклеивались необработанными сторонами друг к другу. Хранилась бумага в пачках листов или в рулонах. Четвертушка стоила $1\frac{2}{3}$ карата (дирхема).

Орудия письма

В древнем Египте писали палочками из камыша. От стебля камыша (который растет в Египте и в наши дни, главным образом на соляных болотах) отрезался кусок нужной длины, и один конец его срезался наискось, наподобие долота. Плоским концом проводились более толстые линии, а острым краем — более тонкие. В эпоху Среднего царства (первая половина II тысячелетия до н. э.) длина палочек доходила до 40 см, а толщина — до 2,5 мм в диаметре. С эпохи Нового царства (вторая половина II тысячелетия до н. э.) стали пользоваться более тонкими и короткими палочками — около 20 см длиной и 1,5 мм в диаметре.

В греко-римскую эпоху вместо камышовых «перьев» стали употреблять тростниковые. В III в. тростинку стали расщеплять. Ею можно было проводить более тонкие линии, но писать ею на папирусе было труднее. Такое тростниковое перо так и называлось «тростинкой» — и у греков (калamos, отсюда арабское калам), и у египтян, коптов (каш). Монахи монастыря св. Епифания в Фивах писали тростниковыми перьями диаметром 1 см. Новые перья превышали четверть метра в длину. По мере износа кончик обрезался вновь, и в конце концов перья уменьшались до нескольких сантиметров в длину. Для таких старых перьев употреблялись деревянные удлинители, которые вставлялись внутрь тростинки. До сих пор в Египте кое-где пользуются тростниковыми перьями.

Черные чернила и в древнем, и в коптском Египте изготавливались из сажи, смешанной с клеем (соком папируса, позже — гуммиарабиком) и разведенной в воде в пропорции 2 :1. Примерно с IV в. в Египте вошли в употребление чернила на металлической основе, очевидно железистые (судя по анализу, сделанному Визнером); ими писали главным образом на пергамене. Темные вначале, они со временем бледнели, приобретая красновато-коричневую окраску, и часто выцветали. Глубоко проникая в пергамен, они действовали на него разъедающим образом.

А. Лукас сообщает, что один священник коптской церкви познакомил его со способом изготовления чернил для написания священных текстов. Для этого ладан кладут на землю, накрывают глиняной миской на трех камнях или кирпичках, накрывают миску мокрой тряпкой и поджигают ладан. Образовавшуюся на миске сажу соскабливают и смешивают с гуммиарабиком и водой.

Красные чернила делались из красной охры или свинцового сурика. Для раскраски миниатюр и других украшений в рукописях употреблялись также разные краски, в том числе пурпурная, золотая и серебряная.

Чернила и краски в виде сухих лепешечек хранились в специальных углублениях на палетках, подобно нашим акварельным краскам, и смачивались водой при употреблении. Уже разведенные чернила держали в глиняных или металлических чернильницах, нередко двойных — для черных и красных чернил.

В набор орудий для письма входили нож для очинки тростникового пера, пемза как точильный брусок для ножа, а при письме на пергамене — и для стирания текста, губка для смывания текста на папирусе (не только для вторичного использования, но чаще для уничтожения ошибочно сделанной записи), циркуль для разметки строк перед разлиновкой и линовальный прибор. Последний обычно представлял собой свинцовое колесико, которым намечали горизонтальные линии для письма и вертикальные для отделения полей на папирусе; на пергамене линии эти проводились тупой стороной какого-либо режущего инструмента, оставляющего вдавленный след. Переписчик мог не следовать точно каждой линии при письме, но пользовался разлиновкой для сохранения общего направления и ровности строк.

История формы рукописной книги

Свиток и кодекс

Древнейшей формой египетской книги был папирусный свиток. Греки переняли его у египтян; вместе с папирусом в VII в. до н. э. пришел в Грецию и свиток как форма книги. Однако до сих пор папирусов такой древней эпохи в Греции не обнаружено: самые ранние находки относятся к V и IV вв. до н. э.. В Египте самый древний греческий папирусный свиток был обнаружен в некрополе Абусира в гробнице рядом с мумией мужчины. Он датируется последней третью IV в. до н. э., имеет 19 см в высоту, 22 см в ширину и содержит 5 страниц по 27 строк в среднем. Но уже от III в. до н. э.

сохранилось немало остатков греческих книг.

Свиток как форма книги господствовал вплоть до III в. Когда с изобретением коптского алфавита появились первые коптские рукописные книги, они, разумеется, должны были иметь форму свитка. К сожалению, все, что до нас дошло от чих, — остатки шести свитков.

Переход к новой форме книги — кодексу — обычно связывают с распространением нового писчего материала — пергамена, поскольку впервые существование кодекса засвидетельствовано в виде пергаменных книг еще в I в. до н. э. в римской юридической литературе. В Египте, насколько можно судить по дошедшим до нас письменным памятникам, новая форма сразу же при ее появлении использовала наряду с пергаменом и исконный египетский писчий материал — папирус.

Когда пергамен был изобретен как заменитель папируса, он, очевидно, должен был употребляться для книг в виде свитков, так как только такой вид книги был известен тогда. До нас, однако, не дошло пергаменных книг-свитков, и мы знаем о них только по редким упоминаниям у античных авторов ^[1]. Так, например, Плиний Старший в своей «Естественной истории», ссылаясь на Цицерона, сообщает, что был свиток со списком «Илиады» из такого тонкого пергамена, что умещался в скорлупе ореха. Существуют только пергаменные свитки Торы, по традиции сохранившиеся в еврейском богослужении.

Сам принцип соединения пачки листов в виде книги восходит к записным книжкам из восковых табличек. Эти таблички, обычно деревянные в своей основе, углубленные в середине и покрытые воском, имели выпуклые края в виде рамки, защищавшие восковые поверхности от соприкосновения друг с другом во избежание стирания текста. У одного края в них просверливались два или три отверстия, через которые они скреплялись друг с другом нитью или кольцами. По этому образцу стали делать книги — кодексы.

При изготовлении кодекса листы писчего материала накладывались один на другой, затем пачку сгибали пополам и прошивали в месте сгиба. При этом внешние листы должны были иметь в ширину наибольший размер, а к середине ширина листов должна была уменьшаться, чтобы обрез книги был ровным. Так как при более или менее значительной толщине напряжение в месте сгиба было сильным, книга плохо держалась в согнутом состоянии и имела тенденцию раскрываться, кодексы обычно составлялись из тетрадей — четырех сложенных пополам листов (греч. тетрадион, от тетра «четыре», лат. кватернион). Впрочем, иногда тетради имели большее или меньшее число листов (из сложенных вдвое двух листов — бинион, трех — тернион, пяти — квинтернион, шести — секстернион); чаще это бывали тетради в дополнение к пачке кватернионов, когда текст не умещался в последней тетради.

О том, предшествовала ли форма кодекса сплошного, без деления на тетради, т. е. «однотетрадного», форме многотетрадной, судить нельзя из-за отсутствия данных.

Конечно, вполне естественно предположить, что изобретатель кодекса сложил пополам пачку листов и сшил ее, но с самых ранних времен существования кодекса мы находим и ту и другую форму, причем многотетрадных кодексов даже значительно больше. Определенно можно сказать одно: в целом однететрадные кодексы древнее, поскольку впоследствии эта форма была вытеснена многотетрадной.

Так как изготовленный на фабриках папирус хранился в рулонах, при изготовлении кодекса отрезали от рулона кусок нужной длины и нарезали из него листы. Места склейки листов папируса, из которых составлялся рулон, при нарезке часто приходились не на край, а на середину страницы, но с этим приходилось мириться, потому что папирус был слишком дорогим материалом, чтобы пренебрегать такими страницами. Однако при изготовлении дорогих изданий пользовались специально изготовленными листами папируса нужного размера; разумеется, в этих случаях и папирус бывал более высокого качества (см. ниже). Как самый дешевый материал употреблялись уже использованные старые папирусные свитки, из которых нарезались листы и затем склеивались исписанными сторонами друг к другу, так что получались листы двойной толщины, как, например, в коптских кодексах, содержащих перевод двух библейских книг — Исхода и Иисуса сына Сирахова — на ахимимский диалект.

Форма кодекса имела два огромных преимущества перед формой свитка. Во-первых, это большая экономия в объеме. Марциал писал, что на маленьких пергаменных листках мог уместиться в его библиотеке Тит Ливий, для которого иначе там не было бы места (сочинения его занимали 150 папирусных свитков). Во-вторых, и это преимущество было решающим, книгой было удобно пользоваться, легко находя при перелистывании нужные места и отмечая их при необходимости закладками. Потому кодекс и вошел в широкое употребление у римских юристов еще на рубеже старой и новой эры. Древнейшие найденные в Египте фрагменты пергаменных кодексов относятся ко II в.

В области христианской (а также гностической и манихейской) литературы кодекс сразу занял главенствующее положение. При постоянном пользовании такими текстами, частом их цитировании, возникла необходимость быстро находить нужное место, и только форма кодекса могла быть достаточно удобной. Иногда указывают и другую причину — дешевизну пергамена сравнительно с папирусом (сравнительная стоимость папируса и пергамена в разное время и в разных местах колебалась), что давало возможность использования пергаменных кодексов в ранних бедных христианских общинах. «Первые христианские общины, — пишет Шубарт, — состояли большей частью из простых людей, бедных и малообразованных. Книга, если говорить о свитке, была редкостью в их кругах». Однако ранние христианские кодексы в Египте были, как правило, именно папирусными. Сохранились фрагменты таких кодексов еще от II в.. Существовали и свитки с христианскими сочинениями, как, например, греческие отрывки из «Пастыря» Ермы ^[2] (III в.) и «Логий Иисуса» ^[3] (III—IV вв.).

Коптских свитков до нас дошло шесть ^[4] ^[5], все с текстами на ахимимском диалекте. Это фрагмент перевода второй из Книг Маккавейских, V, 27—VI, 21 ^[6] (III в.), греко-

ахимимский глоссарий к Осии и Амосу (III в.), отрывок из гимнов (IV в.), пасхальное послание и слово (как полагают, школьное упражнение) (IV— V вв.), перевод Учения двенадцати апостолов, «Дидахе» (V в.). И наконец, папирусный свиток с известным псевдоэпиграфом «Вознесение Исаии». К сожалению, Лако, его издатель, только видел его у торговца древностями в Каире и списал текст, но где находится этот свиток, неизвестно. По той же причине к изданию не приложено фотографии, поэтому нельзя судить о времени написания памятника. Но о большой древности его (возможно, III в.) свидетельствует помимо оформления его в виде свитка наличие буквы, которой нет в стандартизованном коптском алфавите.

Говоря о редкости христианских свитков, мы имеем в виду свитки с литературными текстами. Как хорошо известно, форма свитка для документов была в ходу почти до настоящего времени. Она была наиболее рациональной для этого, поскольку исключала возможность замены листов; имело значение и то, что текст как единое целое завершался и закреплялся подписью и печатью. В греческих и латинских документах (как и вообще в документах-свитках) в отличие от литературных произведений, где текст писался постранично, параллельно длине свитка, строки шли поперек, перпендикулярно длине, и текст был сплошным ^[7]. Известный случай, который приводят как пример долгого существования книги-свитка, а именно оформление в виде свитка пасхального послания александрийского патриарха в VIII в. ^[8] (на греческом языке), на самом деле объясняется именно стремлением придать ему официальный, документальный характер. Любопытный коптский документ-свиток на бумаге был обнаружен при раскопках церкви в Каср-Ибрим в 1964 г. Это документ о назначении патриархом Гавриилом в 1371 г. Тимофея нубийским епископом. Собственно, свитка было два — на коптском и на арабском языке. Строки идут поперек, сплошным текстом, основной текст — в одну колонку, записи свидетелей — в две. При ширине в треть метра каждый свиток имеет в длину около пяти метров.

Итак, свитки удержали свою позицию в области документалистики, а в течение первых веков нашей эры свитки с греческими литературными текстами сосуществовали с книгами- кодексами, однако быстро сдавали свои позиции: в III в. общая доля кодексов составляла 6 %, в IV в. она выросла уже до 65 %, в V в. — до 89 %, а в VII в. свиток исчез из употребления.

В раннюю эпоху существования кодексов в Египте большее распространение имели кодексы из папируса, а не из пергамена. По мнению Шубарта, даже в области греческой книги соотношение было 5 : 3 в пользу первых, а «если учесть коптские, соотношение в пользу папируса еще больше увеличится».

Материал оказал влияние на форму книги. Поскольку папирус был более хрупким материалом и края листов быстрее изнашивались и обламывались, поля папирусных кодексов — главным образом у наружного края — делались шире, чем у пергаменных, а текст писался преимущественно (а в раннюю эпоху — исключительно) в одну колонку. Общие размеры папирусных кодексов были больше пергаменных, а таких миниатюрных, как пергаменные кодексы форматом 9—12 X 9—10 см, обычные с IV в.,

среди папирусных не встречается.

Самые ранние из дошедших до нас папирусных кодексов — греческие: они восходят еще ко II в.^[9] Коптских рукописей от этого времени не дошло, хотя, как выше упоминалось, коптская письменность уже существовала во второй половине II в. Но от III в. мы располагаем материальными свидетельствами. Сохранился отрывок из папирусного кодекса III в. на ахмимском диалекте. Текст настолько фрагментарен, что нельзя судить о его содержании более или менее определенно. Можно сказать лишь, что это отрывок из какого-то апокрифического или гностического сочинения, где фигурирует апостол Петр. Во второй половине III в., судя по палеографическим данным, были написаны кодексы, содержащие Евангелие от Иоанна на субахмимском диалекте и апокрифические апокалипсисы на ахмимском диалекте. Концом III — началом IV в. датируют кодекс с переводом Притч на ахмимский диалект с саидского. До нас дошли также фрагменты папируса конца III в., содержащие отрывки из саидского перевода 128-го псалма и VII главы Екклесиаста. В 1945 г. у Наг-Хаммади (древний Хенобоскион) были найдены в кувшине 13 прекрасно сохранившихся папирусных кодексов в кожаных переплетах, содержащих гностические сочинения на саидском или близких к нему диалектах. Они датируются концом III—концом IV в. Десятилетие спустя Мартин Бодмер приобрел для своей библиотеки (Швейцария) коллекцию кодексов III—IV вв. (почти все — папирусные) числом более двух десятков, главным образом греческих, среди которых, однако, было и несколько коптских. Как и где они были найдены, неизвестно, но предполагают, что в Верхнем Египте. Эта находка особенно замечательна тем, что один из кодексов, P. Bodmer III, содержит Евангелие от Иоанна и Книгу Бытия на бохайрском диалекте; до тех пор, кроме одного фрагмента со школьным текстом, бохайрские тексты ранее IX в. были неизвестны. Другой из коптских папирусов — P. Bodmer VI — написан нестандартным коптским алфавитом на смешанном ахмимско-саидском диалекте.

Однотетрадные кодексы

Однотетрадные кодексы, как уже упоминалось, не представляют собой определенной отдельной ступени в развитии формы кодекса — они существовали наряду с многотетрадными. Более древним типом их можно назвать в том смысле, что они не пережили V в.^[10] и были вытеснены многотетрадными. Таким образом, «однотетрадность» кодекса — свидетельство его древности. Греческих однотетрадных кодексов дошло до нас мало, даже меньше, чем коптских. Из коптских однотетрадных кодексов известны следующие:

1. Перевод Притчей на ахмимский диалект. Почти квадратный кодекс: 14×12 см, 43 двойных листа, по 16 строк на странице, страницы нумерованы. Текст в одну колонку.
2. Евангелие от Иоанна на субахмимском диалекте: 25×12,5 см, 37—39 строк на странице, страницы нумерованы, текст в одну колонку.
3. Евангелие от Иоанна на файюмском диалекте (первая половина IV в.): 18,5×12 см, 15—20 строк на странице, страницы нумерованы, текст в одну колонку.

4. Апокрифические деяния апостола Павла на субахмимском диалекте (III—IV вв.): 27,5×18,5 см, в среднем 25 строк на странице, текст в одну колонку.
5. Первое послание Климента Римского на ахмимском диалекте (вторая половина IV в.): 25×12 см, ок. 30 строк на странице, текст в одну колонку.
6. Сборник гностических сочинений на саидском диалекте с примесью субахмимского (IV в.): 13,5×10 см, 17—24 строки на странице, страницы нумерованы, текст в одну колонку.
7. Апокрифическое послание апостолов на ахмимском диалекте (IV в.): 15×14 см, 14—15 строк на странице, страницы нумерованы, текст в одну колонку.

Кодексы, найденные у Наг-Хаммади, все одготетрадные. Два из них — двойные ^[11]. В среднем высота кодексов вдвое превышает ширину, страницы нумерованы, текст в одну колонку.

В некоторых случаях о находках ранних коптских папирусов нельзя сказать, были ли это одготетрадные или многотетрадные кодексы, поскольку сохранились лишь отдельные листы и фрагменты листов.

Примеры ранних многотетрадных коптских папирусных кодексов.

1. Второзаконие, Иона и Деяния на саидском диалекте (первая половина IV в.): 28×9—10 см. Своя пагинация для каждого из входящих в кодекс сочинений. Текст в одну колонку. Большинство тетрадей из 8 листов (кватернионы), но есть и по 6 листов (тернионы), одна — 4 листа (бинион). Нумерация тетрадей не сохранилась.
2. Притчи на диалекте, среднем между саидским и ахмимским (IV в.) (P. Bodmer VI): 14,5×12 см. Текст в одну колонку, 9 тетрадей: 7 кватернионов, 1 квинтернион, 1 тернион. Первая страница каждой тетради нумерована. Диалект кодекса, еще нестандартный коптский алфавит, наличие некоторых необычных букв говорят в пользу древности текста; он должен был бы относиться к III в., но по начертаниям букв его относят к IV в. Если согласиться с такой датировкой, приходится предположить, что это список с более древнего текста.
3. Евангелие от Иоанна и начало Книги Бытия на бохайрском диалекте: 23, 25×16,5 см. Текст в одну колонку. Пагинация своя у каждого из входящих в кодекс сочинений. Состоит из тернионов.
4. Десять глав Второзакония на саидском диалекте (IV в.) (P. Bodmer XVIII): 14,5×14 см. Текст в одну колонку. Пагинация сплошная, помимо этого тетради нумерованы вверху справа на первой странице каждой, над номером страницы.
5. Деяния апостолов на саидском диалекте (IV в.): 26×12 см. Текст в одну колонку. Пагинация не сохранилась.

В начале 1930-х годов в Файюме у Мадинет-Мади были найдены папирусные кодексы с манихейскими сочинениями на субахмимском диалекте, датируемые концом IV—началом V в.. Это многотетрадные кодексы, состоящие из тернионов, форматом 27×17,5 см и 31,5×18 см. Тетради нумерованы. В одном кодексе («Кефалайя») сохранилась пагинация (сплошная). Текст в одну колонку.

Примеры ранних пергаменных кодексов. Мы рассматриваем пергаменные кодексы отдельно от папирусных по той причине, что они отличаются некоторыми свойственными им особенностями, о которых будет сказано ниже

1. Из пергаменных коптских кодексов наиболее ранним является кодекс, содержащий перевод греческого гностического сочинения «Пистис София» («Вера—мудрость»), написанный в конце III—начале IV в. Он состоит из 23 тетрадей: первая — тернион, последняя — бинион, все остальные — кватернионы. Рукопись написана двумя почерками, причем первый из переписчиков ставил номера страниц только на лицевой стороне, второй — и на лицевой, и на оборотной стороне. Текст написан в две колонки, формат листов — 21 X 16,5 см.
2. Евангелие от Матфея и Послание к Римлянам на саидском диалекте (IV—V вв.). (P. Bodmer, XIX): 15,5×12,5 см, пагинация сплошная, текст в две колонки. Сохранились 1 бинион и 6 кватернионов.
3. Ахмимский перевод Малых Пророков (V в.): 12 x 10 см. Текст в одну колонку. Начало и конец написаны одним писцом, середина — другим. Первоначально кодекс состоял из 23 тетрадей (1 тернион и 22 кватерниона). Тетради нумерованы на первом и последнем листах вверху у внутреннего поля, а страницы — вверху у наружного поля.
4. Евангелие от Луки и от Марка на саидском диалекте (первая половина V в.): 20 X 16,5 см. Первая часть (Евангелие от Луки) состоит из 12 тетрадей (11 кватернионов и 1 тернион), вторая часть — из 8 тетрадей (кватернионов). Текст в две колонки, пагинация сплошная, своя в каждой части.

Основные характеристики ранних кодексов

Говоря о ранних греческих кодексах, Шубарт отмечал, что для них характерны форматы с соотношением высоты к ширине примерно 1 : 1, 2 : 1, 3 : 1, 3 : 2 и 5 : 4. Критикуя Шубарта, Тёрнер сделал весьма справедливое замечание о том, что следует рассматривать папирусные и пергаменные кодексы отдельно.

Он указывал, что во II—III вв. папирусные кодексы были преимущественно большого формата, часто с соотношением 2:1 и 3 : 1, хотя встречались и квадратные; пергаменные же кодексы были небольшого размера, а большие появились не ранее IV в. Что же показывает нам коптский материал?

Коптские кодексы по V в. включительно отличаются рядом особенностей, которые заставляют рассматривать эту эпоху как раннюю ступень в истории развития формы кодекса. Только к этой эпохе относятся однететрадные кодексы. Более того, на наш взгляд, они не могут быть датированы позже IV в. Важным фактом является то, что известные нам однететрадные кодексы — все папирусные и переплеты у них — только кожаные, не деревянные. Поскольку такая форма кодекса ограничивала его объем, количество двойных листов не могло превышать полусотни (что давало 200 страниц): чем больше была толщина пачки листов, которую надо было сложить вдвое, тем с большим трудом она сгибалась и тем большее напряжение испытывал корешок.

В отношении формата эти кодексы не отличались от многотетрадных. Мы встречаем среди ранних папирусных кодексов и квадратные, с длиной стороны в пределах 10—15 см, и имеющие форму двойного квадрата, т. е. с отношением высоты к ширине 2 : 1, с высотой около 30 см. Оба формата, имеющие в основе квадрат, характерны именно для ранних кодексов. Это вовсе не значит, что форматы такого типа преобладали тогда; мы встречаем в эту эпоху и иные соотношения высоты и ширины (5 : 4, 4 : 3, 3 : 2, 5 : 3, 7 : 4, 7 : 3). Важно то, что указанные форматы присущи только ранним рукописям и являются признаком, свидетельствующим о древности. Появление их было обусловлено свойствами папируса как материала. Как уже упоминалось, при частом пользовании папирусной книгой края листов повреждались, и, чтобы повреждение не затронуло текст, поля должны были быть широкими, что и породило квадратную форму листа. Чтобы поместить на странице больше текста, квадрат удваивался или даже утраивался.

Тем же обстоятельством обусловлена и другая характерная для ранних папирусных кодексов черта: текст на них писался в одну колонку. На эту особенность не обращали внимания, хотя у Кале в комментарии к составленному им списку ранних коптских рукописей указывается, что в них текст написан в одну колонку. Он считает, что вообще манера письма в две колонки родилась на севере Египта и получила распространение после V в. Однако на самом деле причина — в материале. Даже самые ранние пергаменные кодексы могли писаться в две колонки, как упомянутая «Пистис София» (конец III—начало IV в.). У самого Кале в списке ранних рукописей большинство пергаменных несет текст в две колонки. В издании «папируса Бодмер XIX», который в действительности представляет собой пергаменный кодекс, издатель указывает, что это единственный из всех папирусов Бодмера, написанный в две колонки (другой пергаменный кодекс — P. Bodmer XXII — написан в одну колонку), подобно кодексу Кросби, хранящемуся в университете Миссисипи, который того же происхождения, что и папирусы Бодмера. Но это вполне понятно, потому что это пергаменный кодекс. Пергамен, как материал более гибкий и прочный, позволял делать поля более узкими, и текст мог писаться в две колонки, хотя нередко встречается и одна колонка. Размеры пергаменных кодексов небольшие, форматы обычно квадратные или близкие к ним (5:4).

Особенностью ранних кодексов является также отсутствие инициалов и почти полное отсутствие иллюминации (что характеризует отношение к книге в ту эпоху).

Шестой век знаменует собой наступление нового этапа в истории формы коптской книги. Исчезают однететрадные кодексы, появляется письмо в две колонки на папирусе, рукописи начинают украшаться. В VII в. исчезают деревянные переплеты.

Оформление коптской книги

Иллюминация

MS M.588 fol. 2r

В исследовании о византийском книжном орнаменте Франц делит его историю на следующие периоды: ранний (VI—IX вв.), переходный (X в.), расцвет (XI—XII вв.), упадок (XIII—XIV вв.). Периодизация коптской книжной иллюминации близка к указанной, хотя все же отличается от нее. Древнейшие коптские рукописи (III—V вв.) были почти лишены украшений. То, что можно отнести к таковым в этих книгах, служит цели разделения текста (коронида, диплы, обелы, самые простые концовки и заставки). Единственным украшением иного назначения был *сгух ansata*, который употреблялся в апотропеических целях (т. е. для отвращения зла). Иллюминация в полном смысле слова начинается после V в. В ранний период, охватывающий VI—VIII вв., иллюминация сравнительно бедна. С IX в. наступает расцвет. После XIV в. украшения появляются реже, хотя упадком это назвать трудно, и даже в XVIII в. встречаются хорошие образцы. Что же касается коптской миниатюры, появившейся в VII в. (один уникальный случай — в VI в., см. ниже), то лучшие ее образцы относятся к XIII — XIV вв.

Знаки, обозначающие разделы в тексте, — коронида (*сogonis*), диплу (*сiiple*) и обел (*obelus*) — копты заимствовали у греков. Коронида напоминала греческую букву «дзета» (от нее произошел современный знак §), обел представлял линию с точкой сверху и внизу, дипла имела вид угла, обращенного вершиной вправо. Со временем эти знаки превратились в орнаментальные украшения графического и растительного характера. Точка, появившаяся в конце I тысячелетия, иногда оформлялась как цветок, плетеная розетка, лист, *Сгух ansata* — крест с петлеобразной верхушкой (по происхождению — иероглиф анх «жизнь») встречается лишь в ранних рукописях; он ставился на полях, в конце или, богато орнаментированный, занимал отдельную страницу. С IX в. появляются орнаментированные изображения четырехконечного креста.

Концовки имели в древнейших книгах примитивный характер, как, например, в рукописях из Наг-Хаммади, где они представляли комбинацию короид, дипл и обелов. В концовках преобладал геометрический стиль; чаще это было сочетание прямых и волнистых линий, точек и уголков. Нередко их узор принимал форму треугольников, обращенных вершинами вниз. Плетеный орнамент, очень распространенный у коптов, использовался и для оформления концовок. Иногда концовка становилась самостоятельным рисунком, например в виде декорированной вазы.

Главное место в коптской книжной иллюминации занимает маргинальный орнамент. Это целый декоративный комплекс, истоком которого была коронида. Она украшалась спиралями, растительным узором, иногда с орнитоморфными элементами. Главными

составляющими маргинального орнамента были спирали, бутоны, цветки, аканты, пальметки, виноградные грозди. Иногда растительный орнамент переплетался с орнитоморфным.

С VI в. появляются инициалы на полях, сначала просто в виде букв большого размера, без украшений. Впоследствии они сопровождаются украшениями геометрического типа, а затем возникают и буквы растительного и зооморфного (даже антропоморфного) характера. В маргинальном орнаменте участвовали иногда и строчные буквы — концы их вытягивались на поле и даже могли оканчиваться цветками.

Орнитоморфный орнамент — наиболее распространенный после геометрического и растительного в коптских книгах. Реже встречается зооморфный, еще реже — антропоморфный и предметный. Копты особенно любили изображать голубей, один из главных религиозных символов. Животных изображали самых разнообразных — зайцев, собак, коз, газелей, львов, тельцов, фантастических животных. Животные, как и птицы, могли соединяться с орнаментальной вязью и инициалами. Предметный орнамент — это преимущественно изображения ваз и кубков (символ крещения).

Ранним коптским книгам была свойственна манера, перенятая у греков, помещать заголовок в конце, что, в свою очередь, было связано с формой книги как свитка. В ранних греческих кодексах заголовок по традиции помещался в колофоне вместе со стихометрическими данными. Однако форма кодекса требовала помещения заголовка вначале, и наряду с колофоном название, хотя и в краткой форме, помещалось впереди. Уже с 400 г. титул прочно завоевал место в начале кодекса. В древних коптских кодексах заголовок книги и ее разделов помещался в конце, и соответственно оформление концовки возникло раньше, чем заставки. Но так как расцвет иллюминации относится к сравнительно позднему времени, спустя несколько веков после того, как заголовок занял место в начале, в целом наибольшей роскошью отличается оформление титула и заставки. Наряду с маргинальным орнаментом это основная декоративная часть коптских рукописей. Главным типом заставок была плетеная узорная рамка. С XIII в. в узор рамки проникают элементы мусульманского стиля (завитки растительного типа). В новое время, в XVII—XIX вв., в оформлении титула преобладают элементы европейского стиля. Создаются заставки типа арабесок и с цветочным узором.

Миниатюра появляется в коптских рукописях с VII в., сначала на деревянных переплетах или на пергамене,

наклеенном на внешней или внутренней стороне переплета.

Расцвет коптской миниатюры начинается с IX в. Леруа указывает, что 1000 г. делит историю ее на два периода. Для первого характерны статические, изолированные изображения типа икон, для второго — живые сценки, в основном иллюстрации к Новому завету. К этому необходимо прибавить, что изображения первого типа продолжают существовать в течение всей истории коптской книги.

В рукописи второй половины XVII в. коптский художник, владеющий европейской манерой письма, старался подражать древним образцам.

MS M.612 fol. 2r

В коптской книжной иллюминации миниатюра занимает небольшой удельный вес и главное место принадлежит орнаменту.

В этой области коптская книжная иллюминация оказала весьма значительное влияние на оформление европейской и восточной книги.

Художники

Художниками, иллюстрировавшими коптские рукописные книги, были сами переписчики книг. Коптская книжная иллюминация была неразрывно связана с текстом, и в орнаментальный комплекс входили не только инициалы, но и строчные буквы. Иллюстрации на отдельных страницах тоже рисовались переписчиками. Во всех случаях, когда художник подписывал нарисованную им миниатюру, это было имя переписчика данной книги. Так, например, в книге, которую переписал в 862 г. «каллиграф св. монастыря Каламуна» Захария, он нарисовал фронтиспис с изображением креста из плетенки. Подобные рисунки сделаны и переписчиком Гавриилом в двух дошедших до нас рукописях. Апа Исаак в переписанной им книге изобразил целую картину: кормящая богоматерь на троне, по обеим сторонам которого стоят ангелы. Переписчик диакон Диоскор нарисовал миниатюру, представляющую св. Птолемея верхом на коне.

Переплет

Роль переплета античной книги-свитка играла обертка из пергамента или кожи, окрашенная пурпуром или шафраном. Особо ценные свитки хранились в деревянных или каменных ларцах, каждый в отдельности. Для нескольких свитков существовал деревянный или металлический футляр цилиндрической формы, с крышкой и ручкой для ношения (вроде ведра), в котором они размещались стоймя.

О ранних переплетенных кодексах мы находим упоминание у Марциала, который советовал предохранять папирус от разлохмачивания при трении о тогу, защищая его еловыми дощечками (Эпиграммы, XIV, 84). Самые древние из дошедших до нас переплетов — коптские конца III—начала IV в. Переплеты более ранних кодексов (древнейший дошедший до нас кодекс — греческий, первая половина II в.) не сохранились.

Коптские переплеты делятся на два основных типа: деревянные и кожаные. Деревянные могут быть частично или полностью покрыты кожей; под кожаным# переплетами мы имеем в виду или чисто кожаные, или кожаные на картонажной (папирусной) основе. Прототипом деревянного переплета (как и прототипом кодекса, см. выше) были деревянные дощечки, скрепленные металлическими кольцами или нитями, с углубленной центральной частью (покрываемой воском) и выпуклыми краями.

В эволюции деревянного переплета Режморте устанавливает три стадии: примитивный, чисто деревянный переплет; полупереплет, т. е. частично покрытый кожей; настоящий, покрытый кожей полностью. Примером примитивного переплета может служить переплет из сикоморы в библиотеке А. Честер Битти (Coptic Codex № 11). Текст кодекса не сохранился. Размеры крышек — 9,6X 8,6×1 см. С внутренней стороны они имеют углубление глубиной 5 мм, причем края выступают в виде бортов шириной 1,4 см. Это углубление — дань традиции: если в деревянных табличках оно предназначалось для покрытия его воском, то в переплете оно теряет смысл. В каждой из крышек — по два отверстия, через которые проходили ремешки, прикреплявшие корпус кодекса к переплету. Другой примитивный переплет (Coptic Codex № 12) имеет еще маленькое отверстие у внешнего угла крышки — как полагает Режморте, для подвешивания кодекса к поясу или запястью. По-видимому, однако, это отверстие для прикрепления закладки. На деревянном переплете из той же коллекции (Coptic Codex № 9) на внешней, стороне имеется грубо вырезанный орнамент в виде сетки из квадратов, внутри которых — тройные концентрические окружности. Края крышек с трех открытых сторон закруглены и покрыты резьбой, имитирующей кожу.

В той же коллекции есть и ряд полупереплетов. Углубление на внутренней стороне крышки уже отсутствует, а на внешней поверхности параллельно корешку вырезан желоб, в который входили края приклеенного кожаного корешка. Эти переплеты — от роскошных изданий. Первый (Coptic Codex № 1) украшен инкрустацией из слоновой кости в виде полос с гирляндой из лавров. В центре переплета было панно, которое до нас не дошло. Другой переплет (Coptic Codex № 2) также украшен инкрустацией из слоновой кости, но не так роскошен, как первый. Третий (Coptic Codex № 3) украшен иным образом. Кожаный корешок, доходящий до трети ширины крышки (край его также вклеен в желоб), покрыт резным узором геометрического типа с листом трилистника в середине. Этот резной узор — на позолоченной основе. По остаткам позолоты нельзя сказать определенно, была ли это краска или наклеенная фольга, но исследовавший этот переплет Режморте склоняется в пользу первого предположения.

Большой интерес представляет переплет пергаменного кодекса IV—V вв., известного как «папирус Бодмер XIX», содержащего Евангелие от Матфея и Послание к Римлянам. Это тоже полупереплет — деревянный переплет с кожаным корешком. Основа его — две деревянные дощечки размером 17,5×14 см и толщиной от 0,7 до 0,9 см. Кодекс, в первоначальном виде состоявший из 20 кватернионов, прошивался четырьмя ремешками, проходящими через каналы в деревянных крышках и приклеенными к внутренней стороне крышек. К переднему краю лицевой крышки были приделаны (также через каналы) два ремешка для скрепления кодекса в закрытом виде. Очевидно, такие же ремешки были и на задней крышке. Наружные плоскости переплета были украшены инкрустацией; сохранились только углубления, в которые должны были быть вставлены украшения: на лицевой крышке — греческий крест, на задней — египетский (*сгух ansata*), а по углам — четыре прямоугольных уголка.

В сезон 1924—1925 гг. поблизости от Саккара был найден глиняный кувшин с пятью пергаменными кодексами XII в. Три из них (A, B, C) были приобретены А. Честер Битти, два (D, E) — Ф. В. Келси. Переплет четырех из них довольно хорошо сохранился. Первый кодекс, A (Послания Павла и Евангелие от Иоанна), состоит из 26 тетрадей (23 — из 8 листов, одна — из 7, одна — из 6 и одна — из 4). Переплет с крышками из кедра, размером 15×12×1 см и весом более 300 г, покрыт темно-коричневой козьей кожей. Корешок украшен тиснеными узорами с изображениями животных в квадратах и кругах. В переднем крае верхней крышки просверлено семь отверстий. Длинная полоса кожи, дважды обертывавшая книгу, разрезана с одного конца на семь полосок в виде бахромы, которые привязаны к этим отверстиям. Другая, более тонкая полоса прикрепляется к пяти отверстиям и обертывает книгу в перпендикулярном первой направлении. Обе полосы заканчиваются резными костяными пластинками, которые подсовываются под край обертывающей книгу полосы, таким образом удерживая ее. К верхнему правому углу прикреплена такая же пластинка на тонком ремешке, выполняющая роль закладки. Совершенно аналогичные (разница в деталях) переплеты и у двух других кодексов (B, D). Кодексы C и E имели кожаные переплеты.

От первой половины VII в. до нас дошел интересный образец деревянного переплета с не покрытыми кожей крышками и только с кожаным корешком. Он свидетельствует о том, что тип полупереплета продолжал существовать наряду с полностью покрытыми кожей деревянными переплетами. Это кодекс из Мичиганского университета, содержащий Четвероевангелие (сама рукопись — IV в.). Вдоль заднего края крышек просверлено 26 отверстий, через которые кодекс соединяется ремешками с крышками переплета. Вдоль внешнего края верхней крышки также просверлены отверстия, к которым должна была прикрепляться, как у только что упомянутых кодексов A, B и D, кожаная лента, опоясывающая книгу. Деревянная крышка покрыта сплошь краской, и по этому фону нарисованы, но-видимому тростниковой кистью, фигуры четырех евангелистов.

Прежде чем перейти к описанию кожаных переплетов, следует отметить специфику того и другого типа. Деревянные переплеты употреблялись только для многотетрадных

кодексов. Как уже указывалось, однотетрадные, представляющие собой согнутую пополам пачку листов, имели тенденцию раскрываться, и эта тенденция усиливалась при увеличении толщины пачки. Пределом для однотетрадного кодекса было 50 двойных листов. Плотно охватить закругленный корешок такого кодекса мог только гибкий кожаный переплет. Все сохранившиеся переплеты однотетрадных кодексов — кожаные ^[1].

Благодаря находке у Наг-Хаммади мы располагаем коллекцией прекрасно сохранившихся кожаных переплетов (из козьей кожи), детальное описание которых дал Ж. Доресс. Это однотетрадные кодексы, которые датируют концом III — IV в. Кодексы эти прошивались по сгибу двумя ремешками через четыре отверстия (два сверху и два внизу). Изнутри в месте сшива подкладывался кусочек кожи, а снаружи сгиб покрывался кожаной полосой. Концы ремешков завязывались снаружи, и полоса приклеивалась к корешку, так что концы ремешков оказывались скрытыми внутри, между этой полосой и корешком. К кожаным переплетам прикреплялись завязки. Верхняя крышка могла иметь треугольный или прямоугольный язык, который заворачивался вокруг обреза на заднюю крышку, и пришитый к ней ремешок два-три раза обертывался вокруг книги. Кроме того, к каждой крышке пришивалось по четыре коротких ремешка, которые завязывались: два — у головной и нижней части переплета, два — у передней. У некоторых переплетов были еще верхние и нижние отвороты, загибавшиеся внутрь, как у наших папок для бумаг.

Подобный же переплет сохранился и у однотетрадного берлинского кодекса, содержащего Притчи, с той разницей, что отворотов он не имеет, но завязывается ремешками, по четыре на каждой крышке ^[2]. Примерно к тому же времени относится переплет папирусного кодекса первой половины IV в., содержащего ряд книг Ветхого и Нового завета на саидском диалекте. Кодекс состоял из кватернионов и первоначально должен был иметь формат примерно 32 X16 см, т. е. типа двойного квадрата. В издании нет ни рисунков, ни подробного описания переплета; сообщается только, что переплет на картонной папирусной основе, покрыт тонкой лакированной кожей козленка, а корешок представляет собой ленту толстой темно-красной кожи, подбитую двумя-тремя слоями папируса.

Ранние кожаные переплеты имели мало украшений. Некоторые декорировались тисненым геометрическим узором. Так, например, кодекс II из Наг-Хаммади на лицевой крышке переплета имеет тисненый узор в виде двух косых и соединяющего их прямого креста, состоящих из тройных линий, а на задней крышке — косой крест из трех тройных линий. Две наружные борозды каждой тройной линии прочерчены еще чернилами. Край передней крышки и пространство между тройными линиями на задней крышке украшены рисованными узорами в виде завитков. Переплет кодекса, содержащего Притчи, украшен также тисненым узором из тройных линий в виде квадратов и диагоналей, образующих прямые и косые кресты, причем в центре получается восьмиугольная звезда с восьмилепестковым цветком.

Среди вышеупомянутых пяти кодексов VI в. два, С и Е, имели кожаные переплеты на

папирусной основе. Кодекс Е находился на дне кувшина и дошел до нас в плохом состоянии, так как пострадал от влажности. Кодекс С состоит из 160 пергаменных листов (20 кватернионов) и имеет формат 9,6 X X8,5 см. Толщина переплета из козьей кожи на папирусной основе составляет 6 мм. Вдоль переднего края верхней крышки расположены пять отверстий, по-видимому, для прикрепления полосы кожи, которая обертывала книгу, а в правом верхнем углу — отверстие для прикрепления закладки. Плоскость этой крышки украшена рисунком, выполненным чернилами, — тонким красивым плетеным орнаментом с крестом в середине. Такой же плетенкой разрисован и корешок.

В 1896 г. в развалинах церкви одного древнего монастыря в Верхнем Египте феллахи нашли в песке каменный сундук, в котором лежали завернутые в полотно и целую козью кожу и перевязанные ремнями два папирусных тома в толстых переплетах из кожи на папирусной основе. Это были Псалтирь и сборник гомилий, написанные в VII в. на саидском диалекте. Их издатель Бадж, а также Крам, описавший Псалтирь, полагали, что переплеты этих книг более поздние, IX—X вв. Коккерель, исследовавший переплеты, склоняется к мнению, что они оригинальны, в частности, на том основании, что орнамент, нанесенный чернилами на обресе Псалтири, мог быть сделан только при первичном переплетении. Его мнение разделяет Петерсен. Здесь был использован интересный метод двойного переплета. Крышки были из двух листов папирусного картона. Корпус кодекса прикреплялся ремешками к картонной крышке, причем концы их завязывались с ее внутренней стороны. Затем весь переплет покрыли кожей (козья кожа красно-коричневого цвета), подвернув ее края под передние края картонных крышек (подобно нашей суперобложке), после чего с внутренней стороны наклеили вторые картонные крышки, окантованные полоской кожи другого цвета, чем переплет. Эти вторые, внутренние крышки закрыли собой концы ремешков у корешка и края подвернутого кожаного переплета спереди. Затем корешок был покрыт для прочности еще слоем кожи. Сквозь кожу переплета и внешний лист картона через прорезь проходили семь ремней на каждой крышке — по два у верхнего и нижнего края, три — у переднего. Концы их были спрятаны между обоими листами картона; на первой крышке к ним прикреплялись кольца, в которые входили ремни второй крышки, закрепляя кодекс в закрытом виде. На переплете был красивый тисненый узор с восьмиугольной звездой из переплетенных полос с восьмиконечным крестом в центре.

Кодекс, содержащий гомилии, имел кожаный переплет на папирусной основе толщиной 1 см и форматом 32×23,5 см. На нем был вытиснен узор из переплетенных под прямым углом, наклоненных под углом 45° полос, в промежутках между которыми были изображены животные в кружках, в центре — голуби, по краям — виноградные грозди.

Во время раскопок на территории монастыря архангела Михаила близ Харабет-Хамули в западной части Файюма была найдена целая библиотека хорошо сохранившихся пергаменных книг VIII—X вв. В 1910—1911 гг. Пирпонт Морган купил 52 тома, из которых 35 были в переплетах. Все переплеты — кожаные на папирусной основе с красивыми тисненными узорами. 17 из них — резные: 5 на основе позолоченного, 12 на

основе цветного пергамена. Узоры на переплетах разнообразны, нет даже двух тождественных, но, несмотря на это, видно, что они — продукт одной школы переплетного мастерства. Почти все имеют центральное панно и окружающую его орнаментальную рамку, главным элементом которой являются прямые линии.

В эволюции кожаного переплета мы опять-таки встречаем VI в. как переходную эпоху, отделяющую ранний этап развития от следующего. Узоры ранних переплетов несложны, и часто даже их рисунок неправилен. Начиная с VI—VII вв. узоры усложняются, делаются богатыми, появляются прорезные узоры на золотом и цветном фоне ^[3]. Деревянные переплеты выходят из употребления (они встречаются до первой половины VII в.).

В конце I тысячелетия появляются переплеты из золота и серебра, украшенные драгоценными камнями, а также драгоценные ларцы для хранения таких книг. В Житии Иоанна Монаха (рукопись 1003 г.) рассказывается о золотом Евангелии. Иоанн просил родителей заказать для него Евангелие. Мать его сказала своему мужу: «„Мой господин-брат, изготовь Евангелие золотое нашему сыну Иоанну — не только напиши его весьма красиво, но сделай хороший переплет с камнями большой ценности. . .“ Тотчас же его отец отдал приказ, (и) принесли ему 50.0 олокоттинов (больше 1100 г золота), а также ценные камни, и он дал их золотых дел мастеру, (и) тот изготовил ему переплет Евангелия, которое написали».

В Коптском музее в Старом Каире хранится серебряный футляр с надписью на арабском языке, из которой явствует, что он был изготовлен в 1403 г. для Евангелия от Иоанна для церкви святых мучеников Сергия и Бахуса мастером Менасом. В коптских церквях Евангелие обычно помещается в серебряном футляре. А. Рафалович, путешествовавший по Египту в середине XIX в., описывая свадебный обряд в коптской церкви, отмечал, что в центре на столе лежало «Евангелие на коптском языке в серебряном футляре».

Коптское переплетное искусство оказало большое влияние на переплетное дело и в Европе, и на Востоке. Приведем несколько примеров.

Деревянный переплет, обшитый кожей, сделанный по тому же образцу, что и коптские, известен в Англии еще с VII в. Древнейший сохранившийся там переплет — на Евангелии от Иоанна, принадлежавшем св. Кутберту (ум. в 687 г.). Деревянные крышки переплета покрыты козьей кожей, окрашенной в красный цвет (именно такой кожей, какая употреблялась в Египте для переплетов), — явно не местная продукция, а предмет импорта с Востока. Необычное для мусульманской техники переплета украшение — инкрустация из кости — на переплете одной исламской книги, хранящейся в Берлине, очевидно, объясняется также влиянием коптской переплетной техники. Иранцы переняли у коптов (по-видимому, через манихеев) способ украшать переплет прорезными узорами на золотом и цветном фоне. Известна такая техника в средневековой Германии и во Франции во времена Генриха II. Исследуя кайруанские переплеты IX — X вв., Петерсен выявляет множество черт раннеисламской

переплетной техники, имеющих связь с коптской или заимствованной у коптов, — способ сшивания тетрадей, узор, форма переплета и пр.. Некоторые коптские резные переплеты, например переплет книги VIII—IX вв. в Венской Национальной библиотеке и переплет книги MS Morgan 569, украшены помимо прорезных узоров еще и вышивкой. Таким же методом украшен переплет персидской книги XV в.. Типичная для немецкой и английской книги XV в. схема расположения узоров на переплете имеет прообразом коптскую манеру.

Книжное производство

Производство греческих книг в Египте было неразрывно связано с существованием больших скрипториев, где писцы под началом протокаллиграфа занимались копированием книг. Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории» сообщает, что у Оригена был скрипторий, где работали скорописцы (тахиграфы), своего рода стенографы, которые должны были быстро скопировать нужную книгу, которая затем переписывалась набело обычными переписчиками (библогографы); для переписки особенно красивым почерком были в скриптории специально обученные писцы-девушки (коры). Большой скрипторий был и у одного из крупнейших византийских церковных деятелей и писателей — Феодора Студита (VIII—IX вв.).

Среди коптских письменных свидетельств мы находим упоминание о «доме каллиграфов», по-видимому не монастырском скриптории. В рукописи Парижской Национальной библиотеки (Copte 129), написанной в 995—996 гг., есть приписка читателя, некоего «ничтожного ди[акона?]», который переселился в «дом каллиграфов» из дома какого-то Каллиника. Едва ли так мог писать о себе монах, живущий в монастыре.

Коптские монастыри были центрами производства книг. Книги переписывались там монахами не только и не столько для самих монастырских библиотек, сколько по частным заказам, и уже в их числе по заказам лиц, желавших преподнести книгу в дар монастырю. Известны также примеры, когда отшельники зарабатывали себе на жизнь перепиской. Епифаний рассказывает об отшельнике Лукиане, который, занимаясь перепиской, мог еще, при своем аскетическом образе жизни, помогать бедным, и об отшельнике Иеракасе, дожившем до 90 лет и до последнего дня занимавшемся перепиской. В одном коптском письме некий Суа адресует к переписчику, «ученому и отшельнику». В греческом письме, которое датируют V—VI вв., некий Дионисий просит апу Гонория скопировать ему на пергамене книгу, оригинал которой он ему предоставит. Издатель этого документа Кёнен полагает, что Гонорий был отшельником, но в документе нет данных в пользу этого предположения. Напротив, поскольку заказчик просит Гонория прийти к нему, чтобы условиться о заказе, то скорее всего это духовное лицо (что видно из титула «апа»), служащее в том же городе при какой-либо церкви (среди коптов известно много таких переписчиков); отшельник или монах монастыря вряд ли стал бы ходить по заказчикам.

В монастырях книги переписывались в библиотеках (которые находились в касре). Исследователь монастырей в Вади-Натрун Эвелин Уайт в работе, посвященной монастырю св. Макария, пишет: «Ничего подобного скрипторию в Западном монастыре как будто не существовало. Копирование производилось в „общей комнате“ — может быть, в самой библиотеке, или в большом зале, который есть в касрах всех монастырей». В колофоне одной рукописи библиотека монастыря именуется «библиотекой писания» (употреблено коптское слово, обозначающее процесс писания), что в данном случае прямо указывает на самое библиотеку как на скрипторий. Именно в этой библиотеке монахи-писцы учились у ученого монаха-наставника. В другой рукописи, содержащей сборник поучений Шенуте, в колофоне указывается, что переписана книга в «доме каллиграфов» монастыря, находившемся под началом архиерея апы Петра, а руководил работой переписчиков «ученый апа Пешате, главный чтец и архидиакон монастыря». Известно также, что монахи могли переписывать книги и в своих кельях.

Переписчики книг

Благодаря записям в колофонах коптских рукописных книг можно составить представление о социальном положении их переписчиков. Это были, как правило, духовные лица. Они могли быть или монахами монастыря ^[1], или служащими при церквях, канцеляриях епископов и пр. Такие служащие были обычно профессиональными писцами, занимавшимися помимо своих основных обязанностей выполнением частных заказов. Они могли занимать разные должности, прежде всего, конечно, должность каллиграфа, как, например, Марк (или Меркурий), каллиграф какой-то церкви (IX в.), каллиграф Моисей (IX в.), каллиграф Варфоломей (X в.), каллиграф Христофор (X в.).

Диакон Диоскор, каллиграф и чтец церкви св. Феодоры, написавший в середине IX в. Житие Пахома, был сыном диакона Тимофея, каллиграфа и чтеца той же церкви. Переписчиками, выполнявшими заказы, могли быть и священники, как, например, священник Феодор (конец IX—начало X в.), священник апа Исаак, написавший и иллюстрировавший вышеупомянутую рукопись MS Morgan 612. Он же переписал и другую рукопись, в колофоне которой упомянул помимо себя и своих братьев, диакона Археллита и мирянина Иоанна. Перепиской книг могли заниматься и певчие, должность которых требовала грамотности. Певчие могли даже совмещать эту должность с должностью каллиграфа. Так, певчий Иоанн, брат диакона Мены, написал в 892/893 г. гомилии об архангелах Михаиле и Гаврииле. Георгий, который «дерзнул написать эту книгу» в 1035 г., был каллиграфом и певчим какой-то церкви. Чаще всего среди переписчиков встречаются диаконы (без указания должности), иногда — иподиаконы.

Искусство и профессия писца, что вполне естественно, часто переходили от отца к сыну. До нас дошли две рукописи, написанные диаконом Иосифом в 981 г.. В одной из них сделана приписка по-гречески его сыном, а рукопись от 992 г. написана сыном, и Иосиф упоминается там как уже покойный архидиакон Иосиф. Диакон Кирилл вместе

со своим сыном апой Киром в середине IX в. написал ряд книг для монастыря архангела Михаила. Диякон Гавриил со своим сыном

Меркурием написал для того же монастыря проповедь Севера Антиохийского об архангеле Михаиле. В начале X в. диякон Моисей со своим братом иподиаконом Меной написал для этого монастыря Мартирий Феодора Восточного, Леонтия Араба и Паникирия Перса. Выше упоминалось о дияконе Диоскоре, который был каллиграфом, как и его отец. В 862 г. для монастыря архангела Михаила было переписано Евангелие иподиаконом Василием из Тутона. Почти 30 лет спустя другую книгу для этого же монастыря переписали тот же Василий, уже диякон, и его брат, диякон Петр. Книга с проповедями Кирилла Иерусалимского и Феофила Александрийского была переписана одним Петром. В середине или в конце 890-х годов диякон Василий переписал книгу уже совместно со своим сыном Самуилом. В 914 г., когда, очевидно, Василия уже не было в живых, книгу с проповедями Дмитрия Антиохийского о рождестве и рассуждение Кирилла Иерусалимского о житии св. Девы написали для монастыря св. Девы в Файюме три его сына — Самуил, Каламун и Стефан. И наконец, в 920-х годах книги для Белого монастыря переписывали уже только Каламун и Стефан. Подобных примеров можно было бы привести еще немало.

В колофонах мы постоянно встречаемся с переписчиками из Тутона (местность в Файюме), которые копируют книги для разных монастырей. Создается впечатление, что в IX—XI вв. это был крупный центр книжного производства, снабжавший своей продукцией Верхний и Средний Египет.

Среди каллиграфов монастырей тоже встречаются сыновья каллиграфов. Естественнее всего допустить, что сын каллиграфа уходит в монастырь и продолжает там профессию отца, но бывали случаи ухода в монастырь целых семей. Уже упомянутый выше Захария, перу которого принадлежат две дошедшие до нас рукописи, украшенные фронтисписами в виде крестов, был священником, каллиграфом монастыря Каламуна, сыном каллиграфа Апаиула из Ираклеополя. Одну из этих рукописей (M 588) он нагоюал вместе со своим братом, монахом того же монастыря. От XI в. до нас дошла рукопись, написанная Хаэлем (Михаилом), священником монастыря св. Девы в Карфуне, и его сыновьями Георгием и Гавриилом, священниками того же монастыря.

Среди переписчиков были и женщины. Сохранилось письмо на папирусе некоей Настасии епископу Писентию, в котором она просит епископа прислать ей свиток папируса, чтобы написать на нем какую-то заказанную ей епископом книгу.

Заказы на книги

Сохранился ряд писем (на папирусе и острака), в которых идет речь о заказах на переписку книг.

Так, на одном остраконе — куске известняка — некий Суа Пекош ^[2] пишет письмо «своему возлюбленному брату», «боголюбивому авве Павлу, ученому и отшельнику», о

том, что у него попросили Житие Епифания, епископа Кипрского, и что, если он согласен переписать его, Суа уплатит ему деньги. Одновременно с письмом Суа посылает для переписки чистый папирус вместе с «листочками исписанного папируса», прося посмотреть, годен ли последний к употреблению. П. В. Ернштедт, издавший этот документ, допускает возможность тождества этого «ученого и анахорета Павла» с «великим анахоретом Павлом», жившим в VII в., именем которого назван монастырь в Фивах. В этом же письме отправитель просит прислать ему для переписки сочинения Агафоника (епископа Тарсийского).

В письме на черепке отправитель, имя которого не сохранилось, просит «оказать ему милость и переписать Малых пророков и Судей».

Феодосий, эконо¹³¹ монастыря св. Мены, пишет диакону Пафнутию, который копировал по его заказу книгу для монастыря: «Если ты закончил книгу, пришли мне через Авраама диакона — я заплатил (уже) ее цену тебе, — поскольку она будет нужна мне во время великого поста. Будь же добр, поспеши и окончи ее побыстрей».

Один человек послал переписчику папирус, но еще не сообщил, какую книгу он хочет заказать, и переписчик торопит его: «Соблаговоли прислать мне (свое) решение относительно папируса, потому что, если ты хочешь, чтобы я написал какую-либо книгу на нем, либо приди, либо пришли мне (письмо), но не медли с (этим) делом, потому что это дело меня задерживает».

Книжная торговля

Торговлю книгами нельзя резко противопоставить переписке книг по заказам. Конечно, уже готовые книги продавались и покупались, переходя из рук в руки (см. ниже), но переписка по заказам была фактически видом книжной торговли. Помимо этого переписчики книг, имея представление о том, на книги какого рода был спрос, могли в свободное время копировать какую-либо книгу заранее, чтобы продать ее, когда появится покупатель. Так, рукопись Евангелия от Иоанна была написана в 861/862 г. иподиаконом, имя которого не сохранилось и у которого впоследствии эта книга была куплена некоей дарительницей для вклада в монастырь архангела Михаила.

Когда в документе идет речь просто об уплате за книгу, неизвестно, продавалась ли готовая книга, или это была плата переписчику. Так, в одном письме отправитель требует уплаты за книгу: в не совсем понятном контексте встречаются слова «если вы мне не уплатите за книгу». Магистрат Печош пишет «отцу пресвитеру»: «Наш святой отец Павел присылал по поводу книги, чтобы ты назначил цену нам. Теперь сделай милость, назначь цену на сегодня по справедливости и напиши (свое) решение мне, сколько она стоит, чтобы мы поладили с тобой».

Благодаря трем, а может быть, даже четырем остракам мы узнаем о торговом агенте, комиссионере по книжной торговле, некоем Су а. Выше было приведено его письмо к

ученому и отшельнику авве Павлу, в котором он предлагает ему заказ на копирование Жития Епифания Кипрского и просит прислать труды Агафоника Тарсийского для переписки. В другом документе Су а выступает как посредник. Человек, имя которого не сохранилось, пишет пресвитеру Виктору: «Я оставил Псалтирь тебе, чтобы ты продал ее. С тех пор как я пришел на север, я встретил Петроне, пресвитера монастыря Тсенти. Он сказал мне: „Мне она нужна“. Будь добр, дай ее доверенному лицу Суа, поскольку брата Исидора, диакона, я послал к пресвитеру Петроне, чтобы он дал ее цену мне». В письме самого Суа тому же Виктору, уже относительно другой книги, написано: «Согласно тому, как ты приказал, вот книга восхвалений (хвалебных слов, энкомиев?), я послал ее тебе». По-видимому, и сам Виктор был посредником в книжной торговле, поскольку, как видно из предыдущего письма, ему оставляли книгу для продажи.

В ГМИИ хранится остракон 1.1.6.526, на котором написано неким Виктором и диаконом Кириком поручительство за Суа. Возможно, это те же Виктор и Суа, о которых здесь шла речь.

Цены на книги

О ценах на книги в коптских документах мы не находим достаточно определенных сведений, хотя бы указаний одновременно на стоимость и объем переписки, не говоря уже о том, что качество письма, материал и оформление могли быть различными и цена за переписку одной и той же книги могла значительно колебаться. Об этом свидетельствуют, например, данные о греческих книгах в I в.: по сообщению Марциала, одну его книгу (13-ю) книгопродавец Трифон продавал за 4 нуммы (сестерции, т. е. за 1 денарий, ок. 4,5 г серебра), а Атрект продавал другую книгу (1-ю) за 5 денариев, поскольку первый занимался дешевыми изданиями для широкой публики, а второй выпускал роскошные издания на отполированном пергамене, окрашенном пурпуром.

Анализируя текст одного папируса II в. из Оксирина, представляющего собой счет за переписку литературных произведений, Белл делает вывод, что в одном случае переписка 10 000 строк стоила 28 драхм, а в другом $20^2/3$, что он объясняет разным качеством работы.

Что же сообщают нам коптские источники?

Интересное свидетельство мы находим в одном письме на остраконе, в котором автор сообщает адресату, что ему удалось исполнить поручение — купить для него требуемую книгу у писца — по-видимому, скорее известного своей ученостью монаха, чем писца-профессионала, подобно вышеупомянутому «великому анахорету Павлу», поскольку он уважительно именуется «большим (или «великим») человеком». Вот основная часть письма: «Я говорил с большим человеком относительно книги. Я удостоверил его, что ты сказал, чтобы ее принесли мне, (а) я, в свою очередь, отдам ее тебе. . . Он согласился. Затем вчера он пришел. Олокоттин без кератия он взял. Он продал ее. Он принес ее. Я отмерил ему (золото). Дело вышло». Таким образом, книга

была куплена примерно за 2 г золота, но неизвестно, каковы были ее объем и характер.

На другом остраконе сохранилось несколько строк, гласящих: «Цена всей этой книги — десять тысяч десять, причем ее кожа(ный переплет) не считается». Такая большая цифра говорит о том, что имелась в виду какая-то мелкая монета.

В папирусе ГМИИ 1.1.6.709, где говорится о заказе на переписку книги и переплетении ее в кожаный переплет (см. ниже), в залог переписчику дается тримисий (примерно 1,5 г золота).

Наиболее точное и интересное сообщение мы находим в «Изречениях отцов» (сборнике рассказов о пустынножителях), где говорится, что авва Геласий имел книгу на пергамене, содержащую весь Ветхий и Новый завет, и стоила эта книга 18 солидов, т. е. более 80 г золота.

Заказы на оформление книг. Как говорилось выше, заказов на иллюминацию книг среди коптских документов нет по той причине, что иллюстраторами были сами переписчики. Вебер, издатель одного кельнского коптского папируса, пишет, что коптские тексты не содержат сведений об иллюстрировании книг и что поэтому особое значение имеет издаваемое им письмо. Вебер полагает, что речь идет о заказе на иллюминацию написанной книги. В действительности, однако, в этом письме говорится о переплетении книги в деревянный переплет. Это письмо в самом деле является очень важным документальным свидетельством, хотя и не в том отношении, в каком считает Вебер. Вот основная часть письма:

«Эта книга, которую я послал вам, — позаботьтесь о ней, чтобы украсить (т. е. переплести) ее. Постарайтесь о ее досках, выберите их весьма хорошие, не делайте в них (сами) прорезей, как я сказал Илии. Дайте ее тому, кто сделает работу хорошо и переплетет ее. . . Скажите переплетчику (букв. «украшателю»), чтобы он приделал ей мелкие украшения и в центральном панно, и в окружающей рамке».

Как мы видели выше, деревянные переплеты украшались инкрустацией и узор на лицевой доске представлял собой центральное панно с окружающей его рамкой. В данном письме приводится ряд терминов для обозначения частей деревянного переплета. Сами деревянные крышки, доски, называются поче, центральное панно — июле (греч. «ворота»), окружающая панно рамка — кот «окружение», а инкрустированные украшения — йепса.

Из дошедших до нас документов становится ясным, что кожаные переплеты могли делать не только мастера, но и сами переписчики; деревянные же переплеты, резные, украшенные инкрустацией из драгоценных камней и металлов, из кости, должны были делать только специальные мастера (см., например, рассказ о золотом Евангелии). Термин «украшать» книгу (греч. космео или копт, tsano) стал специальным обозначением для переплетения книги в деревянный переплет.

В одном письме мастер сообщает о посылке заказчику временно понадобившейся тому

книги, прося прислать потом ее обратно, чтобы он ее «украсил», и добавляет, что «украшает» GA ему «Апостола». На обрывке папируса сохранилась часть письма переплетчику, по-видимому, от монастырского библиотекаря: «Сделай милость, приди на восток и „украшь“ книги». Отправитель еще одного письма пишет, что распорядился относительно переплетения Мартирия св. Виктора, но что не стоит переплетать его вместе с «апой Писенте» (т. е. житием Писентия Коптосского), что мастер переплетает Мартирий и, поскольку работа близка к завершению, надо послать ему тримисий. ‘

Папирус ГМИИ 1.1.6.709 содержит письмо какого-то человека к «великому другу, ученому, учителю и наставнику» с просьбой посетить «нашего отца авву Георгия» в каком-то монастыре, находящемся «к югу», по поводу Псалтири, которую он написал для Феофилакта. Георгий, мастер-каллиграф, переписавший эту книгу, должен был сам ее сшить ремешками и переплести в кожаный переплет. Автор письма просит адресата, если будет нужно, занять тримисий и дать его Георгию как задаток.

По-видимому, автор письма был комиссионером по книжным делам, подобно вышеупомянутому Суа, поскольку, не говоря уже о том, что он хлопочет о Псалтири для какого-то Феофилакта, он в этом письме просит адресата в случае, «если на юг будет привезен папирус», купить его ему на один тримисий. Папирус же для переписки должен был предоставлять заказчик (как посылал папирус Суа). Из письма явствует, что комиссионер хлопочет еще о какой-то книге по поручению Георгия.

До нас дошло и письмо переплетчика Писентия, делающего кожаные переплеты, в котором он просит некоего Петра: «Будь добр, пойдя к Афанасию (букв, „в место Афанасия“), сыну Сабины, ремесленнику, и возьми кожи хорошие — будь то три или четыре — и то, что ты найдешь хорошим, принеси мне, и я выберу одну на эту книгу. Поспеши же принести их».

По-видимому, о сшивании книги и нумерации листов идет речь в следующем письме: «Будь добр, вот книга, я послал (ее) тебе. Сделай милость, прошей (? букв, „проколи“) ее и разметь ее мне».

О ценах за переплетные работы у нас нет сведений. В двух вышеупомянутых случаях как аванс мастеру выдается тримисий, но он вообще часто употреблялся при деловых расчетах как удобная круглая сумма — при задатке, займе и т. п. В цитированном выше письме, например, отправитель просит купить ему папируса на тримисий. Так что само по себе это еще ни о чем не говорит, разве о том, что работа должна была стоить дороже.

Отношение к книге

Книга всегда пользовалась большим уважением у коптов, и причиной этого была, несомненно, религиозно-назидательная роль книги. Как уже говорилось, коптская письменность была создана переводчиками Писания с греческого на египетский язык и распространение в народе грамотности было неразрывно связано с

распространением христианства.

Однако в разные эпохи отношение к книге менялось, вернее, это уважение к книге выражалось в разных формах.

Принимая христианство во II—III вв., египтяне облекали в религиозную форму протест против своих притеснителей — греческих землевладельцев и чиновников, в основном еще сравнительно долгое время остававшихся язычниками. В эпоху раннего христианства массы бедных и угнетенных искали в христианских идеалах не только опору и утешение, но и основу и средство объединения как в материальном, так и в духовном отношении. В это время, когда идеалы христианства жили в народе, в Египте после периода гонений стали создаваться первые в мире монастыри (в первой половине IV в.), в которых крестьяне искали убежища от притеснений и произвола. Институт отшельничества, возникший в Египте значительно раньше (первым был св. Антоний в конце II в.), разумеется, не был таким массовым, но по своему духовному влиянию не уступал киновитскому.

Поскольку создателями книг были в ту пору духовные лица, отношение их к книге стояло в неразрывной связи с их религиозными воззрениями. Суровые, аскетические идеалы заставляли смотреть на книгу только как на носитель божественного слова, но не как на ценную вещь, хотя книга стоила очень дорого и в полном смысле слова была ценностью. С этим противоречием все время приходится считаться, рассматривая тогдашнее отношение к книге. В Житии Пахома, основателя первых монастырей и создателя монастырского устава, говорится: «Он также учил братьев не обращать внимания на привлекательность и красоту этого мира, будь то хорошая пища, или одежда, или помещение, или красиво оформленные книги».

Aprophthegmata patrum aegyptiorum — изречения пустынных отцов и рассказы о них, время создания которых — вторая половина IV—первая половина V в., — сохранили ряд интересных случаев, характеризующих подобное отношение к книге. К тому же вообще главным требованием аскетизма было духовное самоусовершенствование, которое достигалось соответствующим образом жизни, а знание писаний отодвигалось на второй план. Так, одному монаху, говорившему, что он списал для себя Ветхий и Новый завет, один из отцов сказал:

«Ты наполнил свои шкафы папирусом». На келью Феодора из Фермы напали три разбойника и забрали книги и схиму (единственное, что могло представлять для них ценность из имущества отшельника). Феодор просил их оставить ему схиму. Когда они отказались, он напал на них, одолел их и, собрав имущество, разделил его на четыре части. Три он отдал разбойникам, а четвертую, куда входила схима, оставил себе.

Ане Евагрию некий брат дал Евангелие, и тогда «другое, (которое у него было), он продал и отдал (вырученные за него деньги) неимущим, говоря: „Слово (т. е. Писание) говорит мне: ‘Продай то, что имеешь, и раздай бедным’“». Апа Феодор приобрел «три прекрасные книги». Он пошел к апе Макарию и сказал ему: «У меня есть три

прекрасные книги, и я пользуюсь ими, и братья также берут их и пользуются ими. Скажи же мне, что мне надлежит делать?» Старец ответил ему: «Хороша вещь, но бедность лучше всего». Когда он услышал это, он пошел, продал их, получил их стоимость и отдал деньги неимущим.

Именно из-за того, что книга была ценным имуществом, в древних монастырях на факт обладания книгами смотрели косо, хотя формального запрета не было. Сарацион, когда увидел у одного монаха шкаф, полный книг, упрекнул его: «Ты забрал то, что принадлежит вдовам и сиротам, и поместил это в шкаф».

Такой взгляд на книгу, при котором вступали в противоречие ее значение и ее материальная ценность, грубо говоря, ее форма и содержание, оказал влияние на оформление книги в эту древнюю эпоху. Мы уже отмечали скудость украшений в ранних коптских рукописях. Причина здесь не в неумении красиво их оформить, а в том, что такое оформление считалось чуть ли не греховным. Потому, не говоря уже об украшениях, до VI в. не может идти речи даже о каллиграфии в полном смысле слова. Специфика коптской книги, обусловленная историей ее создания, проявилась и в этом случае. Творцами книг были не миряне, и не «мирские» цели они преследовали. «Если ты приобретешь книгу, — гласит одно из духовных наставлений, — не украшай ее переплет, ибо это (мирская) страсть и тщеславие».

Запрет украшать книгу не касался качества писчего материала. Напротив, хороший папирус был более долговечным и больше подходил для того, чтобы запечатлеть на нем священный текст. Далеко не всегда обстоятельства позволяли использовать для книги лучшие сорта папируса (приходилось иной раз пользоваться и старым, уже исписанным), но, во всяком случае, такой расход не считался пустым расточительством. Как отмечал знаменитый реставратор папирусов Гуго Ибшер, дошедшие до нас манихейские книги V в. написаны на папирусе самого высокого сорта, специально изготовленного в виде листов нужного формата. Но текст этих книг фактически лишен украшений.

Однако, как мы видели, переплеты все же украшались, и часто украшались роскошно. Как раз в ранний период, когда существовали еще деревянные переплеты, они инкрустировались драгоценными камнями, металлами, слоновой костью. К тому же и запрет «не украшай переплет» свидетельствует о том, что такая практика существовала, хотя в этом случае имелись в виду не особо ценные украшения, поскольку запрет касался личных книг монахов, которые не могли располагать такими средствами. Украшение переплета драгоценными инкрустациями, несомненно, дело мирян. Здесь следует остановиться на некоторых моментах. Во-первых, украшались переплеты, а не рукописи (недаром говорится: «если ты приобретешь книгу»). Книги заказывались переписчикам (монахам, духовным лицам) или покупались готовыми. Изготовление же деревянных переплетов с инкрустацией — работа мастера, ремесленника ^[1]. Следует отметить, однако, что книги египетской манихейской общины, о которых упоминалось, написанные просто и без орнамента (хотя на превосходном папирусе), имели роскошные переплеты, и за это манихеев упрекали. Во-

вторых, украшая «божественную книгу», мирянин этим выражал свое почтение к ней. Конечно, богатым людям в некоторой степени из тщеславия хотелось иметь, например, роскошно переплетенное Евангелие, но от этого не уменьшалось уважение к самой книге. В-третьих, следует помнить о том, что книга была одним из главных видов пожертвования в монастырь «ради спасения души» ^{[21][31]}. И конечно, чем богаче было приношение, тем большей представлялась жертвователю его заслуга. Приобретенные у переписчиков, духовных лиц, книги, написанные просто, строго, без украшений, облекались в дорогие переплеты.

Позже положение дел меняется. Аскетические идеалы III — V вв. отступают на задний план. Украшение книги уже не считается «пустым тщеславием». VI—VII века — переломная эпоха в истории оформления коптской книги. Украшения появляются и делаются все богаче и сложнее, возникает миниатюра. Орнаментировались и иллюстрировались книги самими переписчиками. Богатое оформление книги стала выражением почтения к ней. В истории Иоанна Монаха рассказывается о том, как в его детстве благочестивые родители заказали для него Евангелие, украшенное золотом и драгоценными камнями. И в ранний период истории коптской книги миряне украшали ее, но разница в данном случае в том, что такой факт специально приводится в житии монаха как свидетельство высокого благочестия (рукопись написана ок. 1000 г.). А в XIII в. Монастырю Сирийцев некий монах Лазарь подарил Евангелие, которое он «реставрировал, переплел, выложил и украсил золотом и серебром и для которого приготовил ларец». Указание на то, что он именно реставрировал, а не заказал написать книгу, подчеркивает ценность дара, поскольку речь идет о старинной ценной книге, а не о современной копии. Надо сказать, что стремление украсить книгу, в противоположность прежнему аскетическому направлению, доходило до того, что помимо украшения самих книг для них изготовляли (конечно, в исключительных случаях, поскольку это стоило очень дорого) ларцы из драгоценных металлов и камней.

Обращение с книгой

Во избежание разрыва в наиболее уязвимом месте — у корешка — книга предохранялась от слишком сильного разгибания. Она нередко снабжалась кожаным ремешком, соединяющим противоположные крышки переплета, который натягивался, когда книгу раскрывали, и не давал ей разогнуться совсем. Пюпитры, на которые книги клались для чтения, не были плоскими, а имели форму двух плоскостей, сходящихся под тупым углом, чтобы удерживать книгу в нужной степени раскрытия, не опасной для корешка. И пюпитры для чтения современных рукописных книг имеют по бокам упоры для той же цели.

Если книгу нужно было носить с собой, ее заворачивали в ткань. Оборачивание книги тканью имело место и тогда, когда хотели подчеркнуть благоговейное отношение к ней. На коптских миниатюрах, изображающих апостола Петра, вручающего Евангелие Марку, мы видим, что Марк принимает книгу, покрыв руки тканью. И до сих пор в коптских церквях Священное писание оборачивают тканью, чтобы руки не прикасались к переплету.

Однако и самое бережное обращение, продлевая жизнь книги, не могло уберечь ее от износа, ветхости. Папирус, сам по себе долговечный материал в условиях Египта, был, однако, при частом пользовании книгой больше подвержен износу, чем пергамен. На него губительно влияло не только механическое воздействие при переворачивании страниц, но и химическое — от прикосновения пальцев ¹⁴¹. Книга в форме свитка меньше страдала при пользовании ею, чем кодекс, да и сама форма кодекса, как уже говорилось, вошла в употребление как наиболее удобная для того, чтобы можно было быстро перелистать книгу, легко найти нужное место. Пергаменные кодексы были прочнее папирусных, но, конечно, и они изнашивались от употребления.

Пришедшие в негодность книги переписывались. Однако, во-первых, труд по переписке был очень велик, и, во-вторых, старые книги ценились сами по себе. Мы видели, что драгоценное подношение монаха Лазаря Монастырю Сирийцев — украшенное золотом и серебром Евангелие представляло собой в основе старинную реставрированную книгу. Поврежденные книги заботливо реставрировались.

Реставрация книг

До нас дошло много рукописей со следами реставрации. Особенно характерным и наглядным примером того, каким образом копты реставрировали книги, является «Книга псалмов», папирусный кодекс конца VI в.. Видно, что книга была в частом употреблении. Нижние части листов обесцветились от прикосновения пальцев, многие листы получили трещины и поломы, некоторые из них — в начале и в конце — выпали из переплета. Девять первых листов и два последних были реставратором переписаны заново. В тех местах, где от трения при переворачивании чернила стерлись, текст был подновлен. Трещины вдоль и поперек были подклеены кусками чистого или использованного папируса, и на заплатках был восстановлен прежний текст. Книгу вместе со старым переплетом — кожаным на папирусной основе — вложили в новый кожаный переплет с узорным тиснением, снабженный тонким лоскутом кожи для предохранения краев листов. Чтобы книгу нельзя было раскрыть слишком широко, крышки переплета сверху соединили кожаной полосой. Любопытно, что книгу эту реставрировали дважды и более старая реставрация была выполнена с большим искусством.

В местах сгиба листов, где книги прошивались для прикрепления к переплету, папирус особенно легко повреждался. При реставрации здесь подклеивались полоски пергамена, как, например, в папирусном кодексе IV в., содержащем несколько книг Ветхого и Нового завета. Некоторые тетради этого кодекса оторвались от переплета, и древний реставратор проклеил их полосками пергамена и вновь прошил, пришив к корешку переплета.

В одной из рукописей Монастыря Сирийцев имеется запись от конца XII в. о монахе (имя не сохранилось), который «заслуживает доброй памяти, потому что он предпринял большую работу по обновлению и приведению в порядок этих многочисленных книг, которые изорвались по причине старости и из-за пользования

братьями. Этот брат... починил эту книгу и около ста (других) книг, которые был порваны и рассыпались: множество разрозненных листов он собрал в упорядоченное целое».

Качество реставрации книг зависело от разных причин. Конечно, большую роль играло умение и старание реставратора, но одного этого было мало. Даже для подборки разрозненных листов надо было обладать определенными знаниями, а для восстановления поврежденного текста необходимо было иметь другой список данного сочинения. При приведении в порядок библиотеки монастыря св. Макария в начале XVII в. реставраторы вынуждены были, удаляя поврежденные части рукописи, переплестать оставшуюся часть сочинения, не восполняя утраченное копированием. Если в библиотеке имелось несколько поврежденных копий одного сочинения, могли составить из них один целый список, отбрасывая остатки уже как макулатуру.

Хранение книг

Обычным местом хранения книг были шкафы особого рода: оконные проемы, заложенные снаружи, в которые были встроены полки. Иногда такие ниши снабжались дверцами. Появление шкафов такой конструкции объясняется тем, что, когда в монастырях стали собираться библиотеки, проще всего было поместить книги таким образом, используя оконные ниши. Этот способ хранения стал традиционным, и термин, обозначающий книжный шкаф в коптском языке, буквально значит «окно книг».

По-видимому, если книг было немного, они могли просто складываться на скамьи. Во всяком случае, Бругш, в середине XIX в. посетивший одну монастырскую библиотеку, видел, что там на скамьях лежало несколько десятков книг.

На примере деревянного переплета VII в., снабженного цепью, мы видим, что особенно ценные или особенно большим спросом пользующиеся книги могли быть прикованы к полке, чтобы их нельзя было унести.

В качестве специфической предупредительной меры против хищения книг в колофонах книг иногда записывались проклятия по адресу возможного похитителя. Так, в колофоне книги посланий Шенуте сделана следующая запись: «Тот же, кто дерзнет спрятать ее или отчудить ее, так чтобы ее не нашли и не читали по ней, пусть он будет предан анафеме и отлучен до пришествия Господа». Интересно, что книга подобным образом защищалась от всех, буквально невзирая на лица. В одном из колофонов предусматриваются в качестве возможных похитителей даже власти монастыря, которому принадлежала библиотека. Подобные угрозы дают известное представление о том, что реально могло случиться с книгой. Среди злоупотреблений, против которых борются авторы записей, и продажа книг, и обмен данной книги на другую, будь то в личных интересах или даже в интересах монастырской общины; книга должна была храниться и в том случае, если бы власти монастыря нашли необходимым обменять ее на более нужную для них.

Эта мера была более действенной, чем можно было бы подумать. Во всяком случае, даже в XIX в. монахи одного монастыря в Вади-Натрун отказались продать Бругшу какую-либо из древних книг, в которых содержались подобные анафемы.

Говоря о хранении книг, следует коснуться хранения особого рода — прятания книг для их сохранности, когда им грозило уничтожение, а такие случаи бывали довольно часто. В эпоху раннего христианства языческими правителями издавались эдикты об уничтожении храмов и сожжении книг христиан; когда христианство стало государственной религией, различные течения внутри его или сопутствующие ему неоднократно объявлялись еретическими и «еретические книги» обрекались на сожжение; кроме того, монастыри время от времени подвергались набегам. В этих и подобных случаях нередко, желая уберечь книги, владельцы закапывали их. Многие древние книги благодаря этому дошли до нас. Сухой песок Египта был прекрасной средой для сохранности книг, но, разумеется, нельзя было закапывать книги в песок непосредственно. Египтяне пользовались разными способами для предохранения рукописей. Чаще всего книги, завернутые в полотно, помещались в глиняные кувшины, как, например, гностическая библиотека у Наг-Хаммади (13 кодексов в одном кувшине), личная библиотека брата Фойбаммона (5 томов), Евангелие от Иоанна. Манихейская библиотека была найдена в деревянном сундуке, причем каждый кодекс, лишенный переплета (поскольку переплеты этих книг были очень дорогими), помещался между двумя досками. Два больших кодекса — сборник гомилий и Псалтирь, найденные в развалинах монастыря в Верхнем Египте, были завернуты в полотно, затем в козью кожу и помещены в своего рода каменный сундук — хранилище в вырытой в песке яме, выложенное каменными плитами; пазы были заполнены известью, а дно покрыто слоем песка. В аналогичном хранилище были найдены книги из монастыря св. Меркурия у Эдфу.

Читательская среда

Грамотность среди коптов. Если до создания коптского алфавита умение читать и писать на родном языке было доступно лишь небольшой части египетского населения, то после создания алфавита, по мере того как переводились на египетский язык и распространялись произведения раннехристианской литературы, росла и грамотность среди египтян, коптов. Центрами культуры и распространения грамотности стали первые монастыри, где монахов обучали грамоте, где переписывались книги и составлялись библиотеки. Пахом, основатель первых монастырей и составитель монастырского устава, принятого во всех египетских монастырях, требовал от монахов умения читать и писать. При церквях для бедного населения организовывались школы.

Получить представление о числе грамотных среди коптского населения можно при изучении деловых документов, главным образом подписей лиц, выдающих документ, и свидетелей. Греческие документы из Египта могут дать такие сведения только о лицах, владеющих или не владеющих греческой грамотой. Не владеющих таковой называли по-гречески аграмматой, «неграмотными», независимо от того, умели они писать по-

египетски или нет. Есть немало примеров, показывающих, что люди, знавшие демотику, именовались неграмотными. Особенно любопытный случай мы находим в одном документе — петиции девяти жрецов храма Кроноса, из которых восемь были эгуменой («игумены»), а один — грамматикус («писец»). Петиция подписана одним из «игуменов» за себя и за всех остальных, поскольку те «не знают грамоты». Таким образом, в число «неграмотных» попал храмовой писец! Итак, единственным источником, который может предоставить статистические сведения о проценте грамотных коптов, могут быть только документы, составленные на коптском языке.

Поскольку до арабского завоевания государственным языком Египта был греческий, подавляющее число документов составлялось на греческом языке. Причиной временного расцвета коптской деловой письменности было арабское завоевание, лишившее греческий язык его официального положения. Постепенно появлялось все больше документов на коптском языке — до тех пор, пока, в свою очередь, объявление в 706 г. арабского официальным, государственным языком не вызвало обратный процесс — вытеснение коптского из этой области. Процесс этот, конечно, был длительным: такая коренная перестройка требовала много времени. Переход от делопроизводства на греческом языке к делопроизводству на коптском был намного легче, не говоря уже о том, что это была не официальная реформа, а просто допущение в эту область коптского языка, снятие прежнего ограничения. Коптское делопроизводство возникло на базе греческого, которое продолжало существовать независимо и параллельно. Создание коптской документалистики облегчалось не только общностью алфавита и некоторой лексической общностью, но и тем, что форма составления документов оставалась прежней; целый ряд греческих юридических терминов, формул, условных сокращенных написаний без изменения переключался в коптские документы. Процесс же замены греческого и коптского делопроизводства арабским требовал сложной, коренной перестройки. Именно VIII век был веком расцвета коптской документалистики. От этого времени до нас дошло подавляющее большинство документов на коптском языке. К слову сказать, VIII век являлся и веком расцвета коптской эпиграфики: опять-таки подавляющее большинство коптских стел относится к VIII в.

Наиболее крупный коптский документальный фонд был найден в Джеме (район Фив). Документы эти датируются второй половиной VIII в. На основании их анализа было установлено, что число грамотных коптов достигало тогда 40—50 %.

Изучение данных об общественном положении лиц, выдающих или свидетельствующих документы (к сожалению, не во всех документах можно найти таковые), привел к любопытным результатам. Конечно, вполне понятно, что, не считая нотариусов и писцов, которые уже в силу своей профессии не могли быть неграмотными, грамотными были большинство духовных лиц — в данном случае 78%. Среди деревенской администрации грамотных было 32 %. Домовладельцы и землевладельцы были в большинстве неграмотными, в то время как среди бедного населения процент грамотности был выше. В одном документе свидетелем является грамотный пастух. Конечно, при этом следует учесть, что сравнительно высокий процент грамотности в

данной местности объяснялся близостью монастыря, а в местах, более отдаленных от монастырей, он должен был быть ниже.

Но все равно в целом среди низших социальных слоев египетского населения процент грамотных был очень высок, если учесть положение египетских народных масс в I тысячелетии.

Об этом говорят не только статистические выкладки, об этом говорят сами свидетели — масса черепков и обломков камней — острака, — сохранивших нам переписку друг с другом простых людей Египта. Если помнить, что до нас дошла ничтожная доля этих писем, приходится удивляться, какой оживленной была переписка. Насколько она вошла в обиход, видно из того, что предметом ее часто бывали мелкие повседневные дела, притом письма посылались не только к далеко живущему адресату, но и к живущему поблизости, потому что встречаются фразы, подобные следующей: «сделай это (или „принеси это мне“) сегодня вечером»).

Есть некоторые сведения о грамотных женщинах: найден ряд документов и писем, написанных собственноручно женщинами, причем почерк их не отличается от почерка документов, написанных мужчинами. Относительно женщин-каллиграфов, переписывавших греческие книги, мы находим, например, сведения у Евсевия.

Но и среди коптов были женщины-переписчицы.

Владельцы книг

Уже в самую раннюю эпоху существования коптской письменности, в IV—первой половине V в., книги в частном владении, хотя и немногочисленные, не были редкостью. В *Aprophthegmata patrum* не раз упоминаются владельцы книг. Один из «Высоких братьев» (так называли Евагрия Понтийского и его трех братьев, вторая половина IV в.) обладал коллекцией «канонических и великолепных книг», которые были сожжены Феодосием, истреблявшим в монастырях Нитрийской пустыни при Аркадии и Гонории ересь Оригена. Пафнутий Скитский был однажды обвинен в краже книги у своего сотоварища-монаха по наговору последнего, подбросившего свою книгу в келью Пафнутия I.

Есть и материальные свидетельства существования частных библиотек. В Женеве в *Bibliotheca Bodmeriana* хранится свыше 20 книг, найденных где-то в Верхнем Египте (точное место находки было скрыто теми, кто продал их в Бодмерианскую библиотеку). Это собрание книг было в древности (IV в.) библиотекой частного лица, высокообразованного богатого египтянина. Туда входили: на греческом языке — часть Илиады, «Угрюмец» Менандра, Гомилия Мелитоя, агюкрлф «Рождество Марии», апокрифическая переписка апостола Павла с коринфянами, 11-я ода Соломона, отрывки из литургии, Евангелия от Луки и от Иоанна (несколько экземпляров), Псалмы 33-й и 34-й, Деяния и разные послания апостолов; на коптском языке — часть Бытия и Второзакония, Исход, Притчи, книги пророков Осии, Иеремии, Баруха,

Евангелия от Матфея и от Иоанна, Послание к Римлянам. Книги были переплетены в кожаные переплеты на папирусной основе, большинство их на папирусе, некоторые — на пергамене. В 1920-х годах недалеко от пирамид Гизы были найдены в кувшине пять рукописей на пергамене — довольно толстых томиков маленького формата (от 9 до 13 см высоты) вместе с полутора десятком монет от 527 до 602 г. Как явствует из колофонов, книги принадлежали «брату Фойбаммону» и были переписаны по его заказу каллиграфом (пример того, что монахи могли заказывать переписчикам книги для своего личного пользования). Все книги — на коптском языке. В 1-й том входили Послания Павла и Евангелие от Иоанна, во 2-й — Деяния апостолов и Евангелие от Иоанна, в 3-й — Псалмы 1—50 и часть Евангелия от Матфея, в 4-й — Псалмы 51—151, в 5-й — апокрифическая переписка Иисуса с Авгаром, апокрифическое послание Павла, Екклесиаст, Песнь Песней и Руфь.

На острака и папирусе встречаются перечни названий книг. Это могут быть каталоги библиотек, списки книг, посылаемых для обмена. Однако есть остракон с описью чьего-то имущества, где среди других вещей перечисляются и книги. Там наряду с кожами, одеждой, котлами, сковородками, лампами, весами, мешками, подсвечниками, двумя сошниками и папирусом указываются две псалтири, Книга Судей, Поучение апы Шенуте, Книга Иова, Притчи, Екклесиаст, Житие апы Хресафия Ефиопа, Книга Иисуса Навина. Любопытно, что эти названия книг стоят во главе списка имущества, за ними следует перечень вещей, а в конце — опять название книги, «Плерофория» Петра Ивера.

Переписчики книг делали копии некоторых книг и для себя лично. Из колофона одной рукописи мы узнаем, что некий диакон (имя не сохранилось) скопировал «эти три книги — Притчи Соломона, Екклесиаст и Книгу Иова, чтобы изучать их вместе со своими детьми».

В монастырях монахи-переписчики копировали книги не только по заказам и для нужд монастыря, но и для самих себя.

Книжный обмен

Владельцы книг — как отдельные лица, так и библиотеки — нередко обменивались книгами, давая их во временное пользование. В монастыре Епифания найден отрывок письма на остраконе с просьбой вернуть одолженную книгу: «[Я прошу] ваше братство, чтобы вы послали мне книгу, которую я послал вам, чтобы я читал по ней этой ночью в монастыре св. апы Фиваммона». По-видимому, напоминание о возврате книги мы встречаем и в следующем письме: «. . . Я прошу тебя, чтобы ты оказал милость мне и прислал мне книгу, поскольку она мне нужна» (перевод Холла «that I may judge of it» неверен). В другом письме — напоминание об обещанной присылке книг: «[Сделай] милость, не забудь прислать книги нам, чтобы мы их изучали, чтобы получить от них пользу». Перечисляются проповеди апы Дамиана, архиепископа Александрии, энкомий (похвальное слово) апы Шенуте и еще какой-то том. Конец письма не сохранился. Какой-то человек пишет другому записку с просьбой прислать

ему Книгу пророка Иеремии, «чтобы я прочел ее». Автор другого письма просит «возлюбленных братьев Давида и Павокеса»: «Будьте добры, дайте книгу моему отцу, чтобы он принес ее мне, чтобы я прочел ее и послал ее (обратно) вам». Какой-то человек посылает своего брата Даниила к «святым отцам апе Анании и апе Михаилу» с просьбой передать с ним для него три книги. Сохранилось только название первой и часть названия второй: *Ветхий завет* и «Житие. . .». Холл прочел вместо слова «*tpalaia*» (*Ветхий завет*) — *tpallia* («*the vestment*»). В сильно фрагментированном письме на черепке мы находим просьбу прислать книги: «Каноны апостолов», «Старцы (Скита)» и «Книгу наставлений». В другом письме содержится просьба выслать «Рай Скита», «Рай Нитрии», «Аскетикон. . .». «Сделай милость, пришли мне Большую книгу и „Книгу наставлений апы Шенуте“, чтобы мы совершали с ней ночное бдение», — пишет монах какого-то монастыря. Некий Моисей в письме к «своему возлюбленному отцу апе Пахому» просит: «Будь добр, пришли книгу праздника твою мне, я посмотрю ее и пришлю тебе (обратно) быстро». Краткую просьбу о присылке книги мы находим на одном черепке из Фив: «Пришли мне книгу (сегодня) вечером».

Особенно горячую просьбу о присылке книги мы встречаем в одном письме, где, однако, контекст нарушен лакуной, и неясно, идет ли речь о выполнении заказа или о книжном обмене: «. . .книга. . . и пришли мне ее, потому что дело горит, как огонь!».

Книги были настолько большой ценностью, что, беря их во временное пользование, обычно условливались о сроке возврата. В письмах мы встречаем извинения за просрочку в возвращении книги. Так, один автор письма пишет «своим почтенным отцам»: «Вот книга, я послал ее через апу Псатеса. Сделайте милость, простите мне, что я промедлил. Я кончил ее уже много времени назад, но [не нашел] человека, который взял бы на себя заботу о ней, чтобы я послал ее (с ним)». Далее он просит: «Пришлите „Книгу рассуждений“ (Евагрия Понтийского, см. выше) также через апу Псатеса, чтобы я прочел ее вместе с книгой. . . Я говорил, чтобы он взял „Рай“ у апы Иоанна и принес его мне. Если нет возможности послать обе, то, будьте добры, пришлите апу Евагрия». «Не беспокойся относительно книги, что она задержалась, — говорится в другом письме. — Я пошлю ее тебе без промедления».

В Мадинет-Абу был найден остракон с текстом письма, автору которого требуется медицинский справочник («врачебная книга» в каталоге библиотеки). Это письмо интересно тем, что там точно указывается срок возврата книги: «Я говорил тебе о врачебной книге. Я хотел прийти на юг ^[1] много раз, (но) монастырские заботы не позволили мне прийти на юг. . . Сделай милость, пришли ее мне либо (через) Паматой, либо дай ее Аарону, и он перешлет ее мне через своего брата. Через два дня, когда я ее изучу, я пришлю ее».

Доверить такую ценность, как книга, могли только проверенному человеку. Чтобы получить ее у малознакомого лица, требовалась рекомендация. Так, например, некий Иосиф просит «почтенного анахорета апу Еноха» написать владельцу книги, чтобы тот дал ее ему для прочтения: «Будь добр, пошли к апе Тиреносу, чтобы он дал книгу мне, чтобы я ее изучил. Напиши ему».

Один человек пишет какому-то духовному лицу, сообщая, что он говорил с Матфеем о деньгах для пожертвования (в церковь) и что тот обещал дать деньги на (лампадное) масло. Затем, как бы в возмещение за свои хлопоты, он просит прислать Книгу пророка Иеремии. В письмах постоянно упоминаются поездки на «юг» и «север». В Египте, где главная, обитаемая культурная зона представляла собой полосу, вытянутую по берегам Нила, почти любая поездка заключалась в плавании по Нилу, либо по течению («на север»), либо против течения («на юг»). Впрочем, в одном письме есть и фраза «приди на восток», где, очевидно, имеется в виду переправа на восточный берег.

Библиотеки

Коптские библиотеки находились при церквях и монастырях (о частных библиотеках см. выше). Библиотеки в монастырях являлись частью церковного имущества и должны были находиться при монастырской церкви. Однако ввиду опасности набегов и грабежей библиотеки, за исключением книг, необходимых для повседневного богослужения, содержались вместе с другим ценным имуществом в особом хранилище — в укрепленной башне, «касре». В одной Евангелии, написанной в 1205 г., имеется запись (на арабском языке), сделанная в 1270 г. александрийским патриархом Гавриилом, которой он закрепляет эту книгу за церковью «монастыря св. Антония в пустыне эль-Араба (южнее Гирги)» со следующим указанием: «Она не должна быть уносима в башню, как остальные книги, и не должна прятаться, но должна быть в церкви с (другими богослужебными) книгами и читаться по воскресеньям и праздникам во время литургии. И если кто-либо из монахов захочет взять ее в свою келью, чтобы изучать ее или справиться по ней, ему не следует мешать, но, когда он закончит свою работу, он должен вернуть ее в церковь».

Коптские монастыри, как правило, представляли собой род крепости, обнесенной высокой стеной для защиты от набегов кочевников (блеммиев и других эфиопских и ливийских племен) и грабителей. Во время набегов за стенами монастырей укрывалось и население окрестных деревень. Описание одного особенно длительного набега мы находим у настоятеля Белого монастыря, знаменитого коптского деятеля Шенуте. Он пишет, что у него в монастыре расположилась «огромная толпа людей со всех окрестностей, со своими женами и детьми, около 20 тысяч человек, причем все братья, кроме немощных, служили им три месяца»; семь врачей, получавших жалованье от монастыря, лечили «больных и раненных стрелами и копьями». Шенуте приводит подробный счет расходов на лечение, погребение и роды, количество выдававшихся вещей и продуктов и их стоимость, «не считая их животных многочисленных — верблюдов, овец, телят, коров, лошадей, коз, причем мы заботились о них и обо всей их утвари». «В те же годы, — пишет Шенуте далее, — мы выкупили сотню неимущих пленников за сумму в четыреста тысяч (драхм) за каждого, помимо денег, одежды и других издержек и денег на дорогу, пока не возвратили их в их дома».

Однако и высокие крепостные стены не всегда бывали препятствием для грабителей. Потому внутри монастырей возводилась вблизи церкви укрепленная башня в два-три и

более этажей («каср»), окруженная рвом и снабженная подъемным мостом, который, будучи поднят, не только прерывал сообщение с башней, но и защищал собой вход. В башне были кельи, комнаты разного назначения, мельница, колодец, вверху — капелла, посвященная архангелу Михаилу. Помимо запасов, необходимых на время осады, в башне хранились монастырские ценности, в том числе библиотека.

При раскопках монастыря св. Макария в Вади-Натрун на втором этаже башни было найдено помещение библиотеки — комната с заложенными снаружи оконными проемами, в которых были сделаны деревянные полки. Люк в полу вел в тайник, находившийся между полом этой комнаты и потолком нижнего, первого этажа; там были обнаружены остатки библиотеки — листы и тетради от коптских и арабских рукописных книг, сложенные в корзины. Соинини, посетивший в 1778 г. Дейр-эль-Барамус, видел внутри «маленькую крепость, окружен урнами, с подъемным мостом», где были резервуар для питьевой воды, запас продуктов, капелла и библиотека с книгами на коптском языке. В Монастыре Сирийцев в Вади-Натрун в прошлом веке Роберт Керзон видел «маленькую верхнюю комнату в большой квадратной башне, где рукописи лежали в нишах». В «касре» монастыря аввы Бишой была найдена в зале груда листов разорванных рукописей. Батлер полагал, что здесь была библиотека, но, поскольку обычно такое большое помещение не отводилось под библиотеку, Уайт считает, что это — жилое помещение. Как бы то ни было, но наличие библиотеки в «касре» очевидно.

Во время своего путешествия по Египту в 1853 г. Генрих Бругш, проезжая через Вади-Натрун, посетил один из коптских монастырей. Он описывает монастырскую библиотеку следующим образом: «Последнее место, куда нас провели только после долгих просьб, было важнейшим для моих научных целей; это была библиотека. Она располагалась в башне. Подъемный мост — собственно, только толстая, положенная поперек доска — привел нас к ее двери, которая была щедро сбита железом. В помещении библиотеки лежало на скамье около сорока манускриптов, частью арабских, частью коптских.

Они содержали только литургические сочинения, как я легко убедился после внимательного исследования, и были для меня почти бесполезны. Ради их древности я охотно бы купил один- другой, но все переговоры с монахами не привели к успеху. Проклятие падет на того, так утверждали они, кто лишит церковь какой-либо рукописи, и это проклятие написано в конце каждой книги. Взамен мне предложили толстые тома, которые они сами скопировали. Однако эти книги были слишком полны ошибок, чтобы заслужить ту цену, какую от меня требовали».

Основной письменный материал, которым мы располагаем для определения существования к состава библиотек, — немногочисленные сохранившиеся каталоги и колофоны дошедших до нас рукописей, которые часто сообщают о том, по чьему заказу и для кого была написана данная рукопись. К сожалению, обычай составлять подробный колофон в коптских рукописях вошел в употребление в сравнительно позднюю эпоху — в конце I тысячелетия, очевидно, под арабским влиянием. В

колофоне называется только сам монастырь, иногда, точнее, его церковь или экономат, но не «библиотека», поскольку пожертвование книги в монастырь было благочестивым актом, предпринятым ради «спасения души», и о библиотеке тут речи не было. Но в колофоне одной книги, сборнике гомилий, где специально отмечается помощь ученого библиотекаря, упоминается и сам термин «библиотека». Это упоминание особенно интересно тем, что характеризует библиотеку одновременно и как место переписки книг, а именно «библиотека писания». Переписка книг описывается в рассказе о Бессусе, настоятеле монастыря Иоанна Камэ, который во время преследований 1057 г. вместе с несколькими христианами скрывался в «касре», где он провел 15 ночей, «переписывая книги вместе с братьями, каждую ночь до полуночи», причем «масло в лампе не уменьшалось и свет ее не ослабевал».

Комплектование библиотек

Пополнялись библиотеки за счет трех источников: покупки книг, дарений и переписки. Иногда второе и третье совпадало, т. е. жертвователю поручал за плату переписать книгу монаху того монастыря, куда хотел сделать вклад.

Монастырю св. Макария император Зенон в конце V в. выделил ежегодную субсидию, часть которой, несомненно, должна была предназначаться для создания библиотеки, полностью погибшей при разграблении монастыря в первой половине V в.

Наиболее раннее свидетельство существования библиотеки в Ските — надпись на Ватиканской сирийской рукописи, гласящая, что эта книга была куплена такого-то числа такого-то месяца 576 г. «для святого монастыря Скетиса в дни благочестивейшего мар Феодора, настоятеля, путем дара от бога и его (Феодора) собственных денег. Эту книгу он купил вместе с другими для рассмотрения, чтения и духовного поучения». В 927 г. во время поездки в Багдад (с целью добиться отмены налога) и последующего пятилетнего путешествия по Северной Месопотамии настоятель Моисей приобрел путем покупок и дарений солидную коллекцию книг для монастыря. Монастырская община монастыря св. Меркурия Стратилата на горе Эдфу купила для своего монастыря в 989 г. книгу, содержащую энкомий Целестина Римского в честь архангела Гавриила.

Настоятели монастырей и монахи на свои средства заказывали переписку книг для библиотеки своего монастыря. Так, настоятель Белого монастыря апа Виктор в 986 г. подарил какую-то книгу в библиотеку. Архимандрит монастыря архангела Михаила в Сопехесе апа Дамиан в 823 г. за свой счет заказал переписать для библиотеки монастыря сборник житий. Один из его преемников, апа Иоанн, в конце IX в. подарил переписанный по его заказу ирмологий. В середине IX в. настоятели этого монастыря апа Косьма и диакон Хаэль подарили сборник житий и проповедей. Архимандрит того же монастыря Илия подарил в 904 г. энкомий Диоскора Александрийского, посвященный Макарию Антеупольскому. Диакон Захария и архидиакон Хаэль (один раз вместе с ними и апа Авраам) в начале XI в. в течение нескольких лет заказывали на свои средства книги для библиотеки своего монастыря — монастыря св. Меркурия

Стратилата. Группа монахов в середине XII в. заказала на свои средства для библиотеки своего монастыря сборник духовных поучений.

Дарение книги было одним из самых распространенных видов вклада в монастырь и считалось актом глубокого благочестия. В колофоне одной из таких книг подобный дар называется «даром, более избранным, чем все дары неба». Многие люди делали заказы на переписку книг для пожертвования в монастырь или церковь «ради спасения души». Так, например, в колофоне книги, содержащей проповедь Феофила Александрийского о святом кресте и добром разбойнике, скопированной в 855 г. диаконом Кириллом 84 и его сыном апой Киром по заказу двух братьев, апы Косьмы и диакона Тхотера, записано следующее: «Пусть он (т. е. Христос) благословит апу Косьму и диакона Тхотера, его брата, потому что они позаботились о ней (книге) и дали ее Михаилу (т. е. в монастырь архангела Михаила) ради спасения своих душ, и, когда они выйдут из тела, пусть бог воздаст им за их (выполненный) обет в десять тысяч раз в Иерусалиме небесном».

Книга была дорогим приношением, и нередко она дарилась от имени всей семьи. Так, например, упоминаются в качестве дарителей диакон Нахрау с женой, сыновьями и братьями, Иаков с сестрой и матерью, Петр из Нармуте с дочерью Нимной. Среди дарителей мы нередко встречаем женщин. Так, например, Танасия, дочь Анастасии, в 903 г. подарила в церковь архангела Михаила в своем селении книгу с проповедью Севера Антиохийского об архангеле Михаиле; впоследствии эта книга попала в монастырь архангела Михаила в Сопехесе. В тот же монастырь в начале X в. Флавия, дочь Кирилла, подарила книгу, содержащую Мартирий Феодора Восточного, Леонтия Араба и Паникирия Перса и Житие Максима и Домеция, составленное Псоем Константинопольским. Некая Кунтите в 983 г. пожертвовала книгу со службой архангелу Михаилу в монастырь его имени «ради спасения ее души, и ее мужа, и ее детей»; она, очевидно, была сестрой диакона Марка, которому заказала переписать эту книгу.

Бывали случаи, когда даритель заказывал переписать книгу для монастыря монаху этого же монастыря. Так, Мартирий св. Апаиуле и Птелеме по заказу анонимного дарителя был переписан для монастыря архангела Михаила в Сопехесе Эпимой, монахом того же монастыря.

В 952 г. анонимный же даритель заказал для вклада в монастырь апы Косьмы в Файюме переписать повествование об обращении в христианство иверов монаху этого монастыря диакону Иосифу.

По заказу дарителей монахи могли копировать книги, хранящиеся в монастыре, для пожертвования копии в другой монастырь или церковь. В 1091 г. по заказу некоей Такех писец- монах Белого монастыря Рафаил скопировал сборник гомилий, имевшийся в библиотеке монастыря, для пожертвования в монастырь Девы Марии. Около 1118 г. монах Белого монастыря Георгий заказал для какой-то церкви, расположенной южнее (название не сохранилось), переписать лекционарий с

рукописи, хранящейся в монастыре, писцу-монаху этого монастыря Виктору (о нем см. ниже). Как указывается в колофоне, Георгий воздвиг эту церковь на свои средства и заботился о службе в ней.

Конечно, книга для монастырских библиотек переписывались монахами не только за счет дарителей, но и как их собственный вклад в благочестивое дело. Большой том проповедей и посланий Шенуте был каллиграфически переписан монахами какого-то монастыря примерно в X в., поскольку имевшаяся у них книга сильно износилась. Начало колофона гласит: «В этом самом году, 9-м (году) индикта, мы скопировали все слова, написанные в четвертой древней книге слов нашего святого отца, пророка апы Шенуте, в эту книгу, ту, которую мы написали заново». Также сборник поучений Шенуте переписала в 950-х годах группа монахов, очевидно, для своего монастыря.

Дарители могли покупать при случае и готовые рукописи для вклада в монастырь. Написанный диаконом Сусинне в начале XII в. сборник псалмов и молитв через много лет был куплен у кого-то неким Птукесом и пожертвован в Белый монастырь. Впоследствии, во время набега Ширкуха на Египет в 1167 г., он попал в руки тюркских солдат, очевидно при разграблении Белого монастыря, затем куплен у них Абу Насром из селения Тампети в округе Пемдже и в 1172 г. подарен им, по-видимому, тому же Белому монастырю. Книга, содержащая Притчи, Екклесиаст и Книгу Иова, написанная неким диаконом для своего употребления в X в., в XI в. попала в руки Феодора, сына Мены, и Тдукс, дочери Пиротхе (по-видимому, мужа и жены), которые пожертвовали ее в Белый монастырь. Пиротхе, отец Тдукс, купил для того же монастыря книгу по истории церкви.

Хранители монастырских библиотек заботились об их комплектовании. Эконом Белого монастыря диакон Василий приобретал книги для библиотеки, пополнял лакуны, странствовал по монастырям в поисках нужных книг для переписки. Он собирал и переписывал различные поучения и проповеди, из которых составил сборник, послуживший, в свою очередь, материалом для дальнейшего копирования. В 1091 г. некая Такеш заказала Рафаилу, писцу-монаху Белого монастыря, скопировать упомянутую книгу для «монастыря св. Девы в пустыне апы Шенуте» — женского монастыря, расположенного вблизи Белого монастыря. В колофоне имеется следующая запись: «И пусть он (т. е. бог) продлит жизнь и крепость нашего боголюбивого брата, пресвитера папы Василия, блаженного (т. е. покойного) Сарапана, ибо он потрудился составить эту книгу слов благодаря своему старанию, ища в монастырях повсюду, пока не собрал и не списал их».

Положение библиотек

Монастырские библиотеки находились как бы в двойном ведении — по духовной и хозяйственной линии. Они относились к церкви и составляли часть церковного имущества. В то же время, как ценное имущество, книги должны были быть на учете у монастырского эконома, ведавшего приходом, хранением и расходом. И конечно, покупка книг на средства монастыря должна была находиться в его ведении — во

всяком случае, выдача денег для этой цели. В посвячительных надписях мы находим в некоторых случаях, что даритель адресует свое подношение «церкви монастыря». И напротив, есть случаи, когда приношение адресуется экономоту монастыря.

Монастырские экономоты часто бывали и библиотекарями. Причина того, что библиотека находилась в ведении экономота, заключалась не только в большой ценности книг. Она была одновременно и архивом, где хранились деловые бумаги. В документах о дарении детей монастырям постоянно встречается формула такого типа: «Я дал его (т. е. дарственный документ) нашему отцу епископу, чтобы он поместил его в библиотеку святого монастыря, чтобы, если воспрепятствуют мальчику быть рабом святого монастыря, его (т. е. документ) предъявили». Писцы монастыря, естественно, должны были вести и хозяйственную документацию монастыря ^[1].

Библиотекари

В колофонах многих рукописей монастырских библиотек мы находим приписки, сделанные нередко много времени спустя после поступления книги в библиотеку. Они могут содержать имя, иногда и дату либо молитву. Приписки эти делались читателями. Однако трудно предположить, чтобы книга за все время ее пребывания в монастыре была прочтена одним-двумя читателями, тем более что нередко приписка содержит обращение к читателям, как, например, приписка к экземпляру Канонов апостолов, подаренному в 1006 г. неким Тхотером в монастырь св. Девы в Тахаихоре: «Помяните любовно меня, мои отцы и братья, все, которые прочтут эту книгу», или приписка к рукописи, содержащей историю обращения иверов в христианство: «Вспомните меня любовно все, которые [прочтут] эти писания, будь то клирики, будь то миряне, пусть они скажут: Пусть господь Иисус защитит того, кто это написал». Последняя приписка особенно интересна тем, что упоминает в числе читателей и не духовных лиц, мирян, хотя книга находилась в библиотеке монастыря. Более вероятным, а иногда, как мы увидим ниже, и несомненным является то, что приписки эти делались не простым читателем, а хранителем книг, библиотекарем.

На двух книгах из монастыря архангела Михаила есть приписки диакона Феодора, монаха этого монастыря, сделанные тайнописью. Ряд книг из той же библиотеки содержит приписки монаха Гавриила, прожившего долгую жизнь и имевшего, очевидно, отношение к библиотеке, может быть, бывшего ее хранителем. В 823 г. он называет себя еще «мальчиком (монастыря) архангела Михаила»; в недатированной рукописи и рукописи 862 г. он именуется в приписке уже священником. Интересна первая из этих двух его записей, гласящая: «Книга святого Воскресения это. Ее я завершил своей рукой. Гавриил священник». Поскольку книга написана не его почерком, здесь, возможно, имеется в виду, что он собрал этот сборник гомилий или привел его в порядок. Последняя запись его, известная нам, относится уже к 894/895 г..

Из записей в колофонах нескольких книг библиотеки Белого монастыря перед нами вырисовывается яркий образ древнего книголюбца, заботящегося о пополнении

монастырской библиотеки, старавшегося восполнить утраты, разыскивавшего повсюду по монастырям сочинения, собиравшего и переписывавшего их. Это был эконом и хранитель библиотеки Белого монастыря диакон Василий, живший во второй половине XI, возможно и в начале XII в. Наиболее ранняя его запись — в колофоне книги по истории церкви, купленной Пиротхе для вклада в монастырь. Впоследствии дочь Пиротхе со своим мужем также пожертвовала книгу, и побудил ее к этому дару (как, возможно, и ее отца в свое время) Василий. После моления за дарителей следует приписка: «Эта книга поступила в монастырь благодаря нашему попечительному брату Василию, монаху и эконому». Колофон другой книги гласит: «А этот благой (дар) совершен старанием нашего боголюбивого брата и эконома, монаха истинного. . . он позаботился о (приобретении) этой книги и дал ее в монастырь пророка апы Шенуте горы Атрите. Он — это брат Василий, любящий писания, желающий, чтобы каждый поучался. Поэтому он восстановил эту книгу после того, как она погибла». Колофон еще одной книги свидетельствует, что она была подарена тем же Василием.

В колофоне кодекса, подаренного в женский монастырь вблизи Белого монастыря и скопированного с оригинала, хранившегося в Белом монастыре, копиист, монах последнего, написал в 1091 г. моление о жизни и здравии пресвитера Василия, который составил этот сборник из сочинений, разысканных им в разных монастырях и переписанных.

Имена двух библиотекарей известны нам из каталогов. Библиотекаря Белого монастыря, записавшего на стенах библиотеки названия книг, звали Клавдием, сыном Палеу. Библиотекарь, составивший список книг монастыря св. Илии На Скале, именовался Калапесием.

Работа в библиотеках. В монастырских библиотеках велась работа по переписке книг — как по заказам (в том числе для вклада в тот же самый монастырь), так и для нужд самой библиотеки. Молодыми монахами-переписчиками руководили ученые монахи, исполняя роль учителей и консультантов. В конце XI—начале XII в. в Белом монастыре таким ученым был монах Матфей. В 1091 г. в колофоне книги, заказанной Такеш, переписчик Рафаил специально указал на помощь, оказанную ему Матфеем: «Мы завершили этот том 12-го паоне, причем брат диакон Матфей вместе со мной в библиотеке писания приложил руку во всяком деле». Уже в 1112 г., завершив переписку Четвероевангелия, другой писец Белого монастыря, Виктор, пишет о Матфее: «Наш попечительный отец Матфей является архидиаконом и учителем этой святой церкви, и он трудился со мной и приложил руку в своей любви и своих великих познаниях, которые невозможно описать. До тех пор пока я, ничтожный в познании, не завершил эту книгу, в той мере, в какой был способен (это) сделать, он, со своей стороны, учил меня в своей любви не только ко мне одному, но ко всякому, кто его попросит».

Виктор, выучившись у Матфея, стал опытным писцом; сохранилась еще одна рукопись, написанная им спустя шесть лет, когда, по-видимому, Матфея не было уже в живых.

В колофоне вышеупомянутой рукописи *Copte* № 1 Французского института в Каире, каллиграфически переписанной монахами какого-то, возможно Белого, монастыря, говорится, что работа производилась в «доме каллиграфов», начальником которого был архиерей апа Петр, а в качестве руководителя и консультанта выступал «ученый апа Пешате, главный чтец и архидиакон» монастыря.

Желая послужить благочестивому делу, некоторые монахи, по тем или иным причинам прибывшие в монастырь, приводили в порядок книги в библиотеке. Так, например, в конце XII в. в Монастырь Сирийцев прибыл монах, «заслуживший добрую память», поскольку он провел большую работу по реставрации и переплетению около 100 книг. Среди сирийских монахов, бежавших от турок в 1084 г. в Египет, в Скит и Монастырь Сирийцев, был Барсавма, который привел библиотеку последнего в порядок, переплел разорванные и «разбросанные по всему монастырю» рукописи.

Ученые и писатели пользовались для своих работ материалами библиотек. В XI в. Север Ашмунейский пользовался для составления своей «Истории патриархов» библиотекой монастыря св. Макария. Его последователь, продолжавший эту работу, Маухуб написал в своем предисловии: «В монастыре Абу Макар мы открыли истории десяти патриархов, от Михаила до Шенути, составленные Михаилом, епископом Тинниса». Макарий, священник монастыря Иоанна Колова, написавший в первой половине XIV в. «Номоканон» — произведение о коптском каноническом праве (на арабском языке), — материал для своей компиляции брал из многих книг в монастырях в Вади-Натрун и в Каире. Сирийский писатель Ана-Ишо, посетивший в первой половине VII в. Скит, чтобы собрать материал для своего «Рая отцов», использовал очень известное в свое время, но не дошедшее до нас коптское сочинение «Рай Скита».

В монастырских библиотеках велась широкая переводческая деятельность. В более раннюю эпоху главным образом переводились с греческого произведения отцов, послания патриархов и т. п., редактировался перевод Писания (который в основном, по-видимому, был завершен ко времени создания и в первое время существования монастырей — в IV—V вв.). Так, например, Феодор, преемник основателя первых монастырей Пахома, приказал монахам перевести на египетский (коптский) язык послание Афанасия Александрийского (39-е послание, 367 г.), чтобы им могли руководствоваться. С одних диалектов на другие перелагались переводы Писания. В начале II тысячелетия, когда коптский язык стал отмирать, коптские книги должны 90 были быть переведены на арабский. Теперь при переписке они снабжались рядом (с правой стороны) арабским подстрочником. Делались переводы с сирийского и эфиопского на коптский и наоборот, чему способствовало существование в Вади-Натрун не коптских монастырей: сирийского, эфиопского и армянского, а также то, что нубийская и эфиопская церкви были подчинены коптской.

Каталоги

До нас дошло три каталога монастырских библиотек. От одного из них сохранился только отрывок на фрагменте папируса, и неизвестно, что это была за библиотека.

Другой каталог — на остраконе, а третий — на стенах самого помещения библиотеки. .

Наиболее хорошо сохранился каталог на остраконе. Этот остракон был куплен Бурианом у торговца древностями в Луксоре в 1888 г.. Это кусок известняка неправильной формы с максимальными размерами 18,5×24,5×2,8 см, исписанный с обеих сторон: на лицевой стороне — в две неправильные колонки, разделенные линией, причем строки идут в направлении наибольшего размера, на обороте — сплошным текстом, причем строки идут в направлении меньшего размера. Это единственный полностью сохранившийся каталог. Нельзя сказать, продолжался ли он на другом остраконе, но мы имеем право говорить о его полноте потому, что первичный каталог завершен, а потом следуют записи новых поступлений. Судя по палеографическим данным, его следует датировать концом VII—началом VIII в. Составитель его — некий Калапесий.

Текст (после вступительной молитвенной фразы) начинается заголовком «Каталог книг святых монастыря апы Илии На Ск[але]». Очевидно, как установил Крам ^[2] по материалам Бока, от этого монастыря осталась высеченная в скале церковь, расположенная недалеко от Накады в диоцезе Куса ^[3].

Каталог содержит названия 80 книг и делится на три части. Первая часть — первичный каталог из 33 названий, куда входит ряд книг Ветхого и Нового завета, лекционари, устав Пахома, книга наставлений Афанасия Александрийского и мартиролог апы Филофея. Второй раздел носит название: «Также и другие книги, которые были даны Калапесию во второй раз, в год первого индикта». Сюда входит еще 25 названий, в основном жития и уставы, а также книга по истории церкви. Третий раздел озаглавлен: «Поступившие после них в монастырь святой суть следующие». Перечислены 22 книги разнообразного содержания: Книги Иова, Даниила, Притчи, проповеди, мартирологи, «маленькая (книга) о богатых и бедных» и «врачебная книга».

Каждый раз указывается материал, на котором написана книга. Это писчий материал четырех видов: пергамен, папирус, «папирус старый», и «папирус новый». Последние термины остаются непонятными; предположение Амелино, что «новый папирус» означает бумагу, не может быть верным, поскольку в то время бумаги в Египте еще не было. Материал не указан в четырех случаях, причем в одном из них (№ 48, наставления Шенуте) отмечено: «на старой книге» — но-видимому, имеется в виду палимпсест. Более всего книг на папирусе — 61, из них 17 — на «новом», 8 — на «старом». Размеры книг не указаны. Только изредка, когда книга, очевидно, резко выделялась своим малым форматом, она отмечалась как «маленькая» (три случая: № 32, 75, 79).

Среди коптских папирусов, привезенных Питри из Файюма в 1889 г., находился фрагмент папируса с перечнем названий книг. Это, собственно, не каталог библиотеки как таковой, поскольку носит название «Список книг, которые мы разметили» ^[4], но несомненно, что эти книги являлись частью библиотеки, в которой работали составившие его монахи. Перечислено 105 книг — 16 книг Ветхого завета (из них 8

псалтирей), примерно 10 — Нового завета, 44 лекционария, антифонарий, гомилии. Около десятка книг — на греческом языке. Как и в каталоге Буриана, указывается материал — папирус или пергамен, причем и тот и другой может быть и «старый», и «новый» (в каталоге Буриана эти эпитеты относятся только к папирусу). Часть названий сопровождается эпитетами «petalon» и «atpetalon». Крам сообщает, что, по мнению проф. Вилькена, эти термины служат для указания формы книги, чтобы различать папирусные свитки от кодексов ^[5]. Однако папирусы, найденные Питри, относятся к VIII—IX вв. Существование свитков (и в таком большом количестве) в такую позднюю эпоху невозможно предположить.

Особенный интерес своей оригинальностью вызывает каталог книг библиотеки Белого монастыря. Весной 1903 г. английский каноник У. Т. Олдфилд посетил этот монастырь (в значительной части превратившийся в руины) и списал ряд надписей, находившихся на стенах, которые в следующем году были изданы Крамом. Те из них, которые он списал со стен маленькой квадратной комнаты (ок. 12,5 кв. м), расположенной за церковью, в северо-восточном углу, оказались каталогом книг. Несомненно, это было книгохранилище, библиотека. Надписи сохранились очень плохо, но все же в основных чертах дают понятие о составе и размещении книг. Их названия были написаны в тех местах, где когда-то стояли полки с книгами. Таким образом, за книгами были закреплены определенные места. Книги были распределены по темам. Так, у северной стены располагались полки со списками Нового завета; гомилетика и труды по истории церкви находились у восточной стены, агиографические сочинения — у западной. У южной стены должны были стоять книги с переводами Ветхого завета, но надписи на ней не сохранились.

К сожалению, неизвестно, когда был составлен этот каталог, но имя библиотекаря, его составившего, дошло до нас, поскольку в начале каждого раздела, т. е. на каждой стене, он записал короткое моление за себя. Это был апа Клавдий, сын Палеу Мисхина.

Белый монастырь располагал настоящими книжными богатствами, рассеянными сейчас по многим книгохранилищам мира. Восстановить состав этой библиотеки хотя бы с приблизительной полнотой уже невозможно, но все же учет всех рукописей, происходящих из Белого монастыря, в музеях и библиотеках разных стран позволяет составить о ней общее представление.

Библиотека Белого монастыря

Монастырь в 8 км к северо-западу от г. Сохага, основанный в 350 г. апой Пжолем, известен в первую очередь тем, что его настоятелем с 385 г. (после апы Пжоля) был крупнейший коптский писатель, классик коптской литературы Шенуте (333—451). «Белым монастырем», Дейр эль-Абйад, он был прозван в народе уже в арабскую эпоху в связи с тем, что построен он из тесаного известняка в отличие от расположенного неподалеку «Красного монастыря», сложенного из кирпича.

Библиотека Белого монастыря была одной из самых больших, если не самой большой

коптской библиотекой. И, что особенно важно, она была местом создания, записи и хранения произведений Шенуте, бывшего в течение почти семидесяти лет, до самой кончины, настоятелем этого монастыря. Списки его сочинений, сделанные с оригиналов, хранившихся в библиотеке Белого монастыря, расходились по всей стране.

Белый монастырь был построен, подобно другим коптским монастырям, как крепость для защиты от набегов. Его мощные стены хорошо сохранились и по сей день, но значительная часть внутренних построек превратилась в руины. В 1883 г. знаменитому французскому египтологу Гастону Масперо посчастливилось обнаружить там бывшее книгохранилище. Ко времени открытия Масперо в этом хранилище оставалась только куча отдельных пергаменных листов и обрывков, сваленных на полу; их оказалось около 4 тыс. Как выразился Масперо, это были «ошметки древней библиотеки знаменитого монастыря Амба-Шенуда». Само помещение он описывает как «келью, расположенную позади хоров в башнеубежище (tour de refuge), сообщавшуюся с корпусом церкви только через секретный узкий проход». Большинство рукописей было приобретено Парижской Национальной библиотекой, остальная часть разошлась по музеям Берлина, Лондона, Лейдена и попала в руки торговцев древностями. Основная же часть библиотеки была распродана еще в XVIII в. «Это хранилище, — писал Масперо, — используемое в прошлом монахами Ахмимской миссии, которые оттуда извлекли большинство рукописей, опубликованных Мингарелли, Созгой и Бойдом, было забыто на целое столетие, пока счастливый случай не позволил нам открыть его в 1883 г.». Однако Масперо, сделавший такую замечательную находку, не обратил внимания на остатки надписей на стенах хранилища, которые, как говорилось выше, лишь через 20 лет были обнаружены и списаны Олдфилдом и которые оказались каталогом книг библиотеки. Они позволяют в некоторой степени определить состав библиотеки.

В сохранившейся части надписи на северной стене, где стояли ранее книги с переводами Нового завета, упоминаются 109 экземпляров Четвероевангелия «малого и большого размера» в футлярах и 10 экземпляров без футляра, а также послания и деяния апостолов. На восточной стене можно прочесть только остатки названий; это сочинения каких-то епископов, послания, «Книга по истории» (букв. «Историческая книга»). На западной стене перечисляются агиографические произведения — жития Висы, Севера Антиохийского, Писентия, Иоанна Колова, апы Памина, Археллита, апы Илии, апы Авраама, апы Зиновия, апы Матфея, Кирилла, Шенуте (8 экз.), апы Аполло, апы Пахома (20 экз.), апы Марка, апы Моисея (2 экз.), Матфея Бедного, апы Симона, Киприана Антиохийского, апы Самуила, апы Феодора, апы Хемиме, апы Пахома с Хорсиэсе и Феодором, 24 старцев Скита, апокрифические деяния апостолов. Кроме того, упоминаются произведения Висы (преемника Шенуте) о воскресении и о «нашем отце апе Шенуте» ^[6] и книга «Давид царь» (13 экз.; очевидно, Псалмы). Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что почти все из перечисленных выше сочинений дошли до нас во фрагментах, происходящих из Белого монастыря.

В настоящее время рукописи из Белого монастыря хранятся в следующих музеях и библиотеках: в Национальной библиотеке в Париже, в Национальной библиотеке в

Неаполе (коллекция Борджиа), в Британской библиотеке в Лондоне, в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде, в Лейденском музее, в библиотеке Джона Райлендса в Манчестере, в Берлинской библиотеке, в Венской библиотеке, в библиотеке св. Марка в Венеции, во Флорентийской библиотеке, в Археологическом музее Мичиганского университета в Энн-Арборе, в Луврском музее, в Каирском музее, во Французском институте восточной археологии в Каире и в коптском патриархате в Каире. Ряд листов и фрагментов имеется в Государственном Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и в Российской Национальной библиотеке.

В настоящее время планируется выявление всех дошедших до нас книг из библиотеки Белого монастыря. Международный центр исследования коптских рукописей и литературы, база которого находится в Италии, собирается предпринять издание «Корпуса коптских литературных рукописей», и в программу его работы входит реконструкция библиотеки Белого монастыря. В проекте «Корпуса» говорится следующее: «Эта библиотека превратилась в центр коптской культуры в V—X вв. Она обладала большим числом манускриптов коптской литературы, монашеской и церковной, и была несоизмеримо более богатой, чем все другие библиотеки, которые мы знаем. Характеристика библиотеки уже дана тем фактом, что все ее манускрипты были в свое время расчленены и их фрагменты распространились по всем главным собраниям коптских рукописей Египта, Европы и Америки. Эти фрагменты будут насколько возможно выявлены и сфотографированы. От этого надо будет перейти к поискам фрагментов, дополняющих отдельные кодексы, и к определению работ, которые они содержат».

Заключение

Древнейшая рукописная книга дошла до нас из Египта. Мы не говорим о глубочайшей древности папирусных свитков, но и древнейшую книгу в буквальном смысле, т. е. кодекс, сшитые и заключенные в переплет листы, сохранили для нас пески Египта.

Самые ранние из найденных в Египте кодексов — греческие, от II в.; о существовании более древних мы знаем только по упоминаниям. Что же касается коптских книг, то древнейшие из дошедших до нас датируются второй половиной III в., хотя есть сведения о существовании их еще во II в. Однако ранняя греческая книга не представлена целыми экземплярами. Это либо листы и фрагменты, либо в большей или меньшей степени неполные кодексы, без переплетов. Древнейшая же книга в ее целом, неповрежденном виде — исключительно коптская, известная по ряду великолепных экземпляров (конец III—начало IV в.), позволяющих увидеть древнюю книгу такой, какой она была в действительности. Кроме того, если коптская книга несколько моложе греческой и, более того, произошла от нее, взяла ее за образец, то все же копты впервые ввели у себя во всеобщее употребление ту наиболее удобную для пользования форму книги, которая дожила до настоящего времени, — кодекс, листы, заключенные в переплет, решительно отвергнув форму свитка, тогда как у греков еще довольно долгое время книга-свиток сосуществовала с книгой-кодексом. Коптская

переплетная техника, древнейшая из известных в настоящее время, прямо или опосредованно повлияла во многих отношениях на европейскую и ближневосточную. То же можно сказать и об оформлении текста книг. Коптский книжный орнамент достиг высокой степени развития и по своему уровню и влиянию занял видное место в книжной культуре Европы и Ближнего Востока.

Рукописная книга была хранителем и носителем духовных ценностей народа, средством их распространения и обмена ими при культурном взаимодействии народов друг с другом. Но помимо этой роли, свойственной в большей или меньшей степени рукописной книге всех народов, коптская рукописная книга имела и особое значение для коптской культуры. Уже ее зарождение было связано с созданием системы письма, которой мог пользоваться египетский народ, и в распространении грамотности в его среде ей принадлежит главная роль. Мало того, она с самого начала предназначалась для народных масс и являлась важнейшим фактором в формировании народной египетской культуры в противовес греческой, эллинистической культуре, которая была достоянием лишь верхушки египетского общества и которая была чужда массам.

Египетская книга первых веков нашей эры, греческая и коптская, стоит у истоков рукописной книги, европейской и ближневосточной. Если правомерно сравнение с европейской печатной книгой, первые образцы которой, издания XV в., рассматриваются как книга, «в колыбели», и представляют собой величайшую историко-культурную ценность, инкунабулы, то в египетской книге мы имеем дело с такими же инкунабулами рукописной книги. По ним, этим инкунабулам первых веков, мы видим становление образца, выработку нормы, которая определит все развитие формы рукописной книги и скажется на форме книги печатной. Только из египетской книги мы узнаем те сведения, которые так ценятся, так тщательно и скрупулезно учитываются у инкунабул типографских: поиски формата (величина, соотношение высоты и ширины), конструкции (однотетрадные и многотетрадные кодексы), способы переплетения. Благодаря египетской книге в целом и в самой значительной степени коптской, наука получила четкое представление о начальном этапе в истории книги.

^[1] Так, например, Шенуте упоминает о писце, учитывающем поставки в монастырь и составляющем ведомости ко дню выдачи поставщикам платы.

^[2] Как ни странно, новый издатель остракона, Кокэн, ничего не говорит об этом отождествлении Крама и, следовательно, о местоположении монастыря.

^[3] Буриан тоже предполагал, что монастырь находился недалеко от Куса, но на ином, ошибочном основании считая, что название № 49 и 50 «Инструкция Ко(о)са» означало «L'Instruction (du diocèse) de Kos». В действительности, как указал Крам, имелась в виду инструкция касательно обряда погребения (коос). Кокэн, не заметивший крамовской локализации монастыря, решил, что Мюллер, относя этот монастырь к диоцезе Куса, руководствовался ошибочным толкованием Буриана.

^[4] Употреблен глагол *stisi* (греч. стизо). В документе на остраконе, в котором содержится просьба «проколоть и разметить» книгу, употреблен коптский глагол *sól^{eh}*.

^[5] «*Petalon*» означает по-гречески «лист (растения)», «(металлическая) пластинка»; «*petalos*» — «широкий»; *at* — коптский отрицательный префикс «не», «без».

^[6] Крам переводит это место таким образом: «*Apa Besa concerning the resurrection of the body, and our father Apa Shenoute*»; однако в коптском языке после союза *men* «и» предлог не повторяется, и, следовательно, здесь должна идти речь о двух произведениях Висы: «о воскресении тела и о нашем отце апе Шенуте». В примечании Крам отмечал другую возможность — пропуск в тексте «[и об успении] нашего отца апы Шенуте». Такой пропуск едва ли был возможен, а с другой стороны, житие Шенуте, написанное Висой, хорошо известно и непременно должно было находиться в этой библиотеке.

^[1] Если в записи о дарении книги указывалось, что даритель переплел и украсил ее (см., например, ниже о монахе Лазаре), это не означало, что он собственноручно проделал эту работу, но что это сделано по его заказу и на его средства.

^[3] Пожертвование книги в монастырь считалось «даром более избранным, чем все дары неба».

^[4] Кроме механических и химических повреждений причиной порчи папируса могли быть влажность и насекомые, но эти факторы, особенно последний, имеют отношение к порче папируса при хранении его в тайнике, но не во время пользования,

^[1] О переписчиках-отшельниках в колофонах сведений не сохранилось.

^[2] Как полагал Ернштедт, это Суа, сын Пекоша.

^[3] Экономы были обычно и библиотекарями и заботились о комплектовании библиотек.

^[1] Потому из двух реставраций деревянного кайруанского переплета № 5, предлагаемых Гайяром и Марсэ, только вторая представляется правдоподобной.

^[2] Издание кодекса в натуральную величину, с полной имитацией его внешнего вида. Что касается деревянных переплетов, то подобные украшения уже известны для самых ранних из них — такие прорезные узоры делались на кожаных корешках.

^[1] О существовании огромного количества пергаменных свитков свидетельствует тот факт, что Пергамскую библиотеку, содержащую 200 тыс. свитков, Антоний передал Клеопатре в возмещение ущерба, который понесла Александрийская библиотека при пожаре во время Александрийской войны. Значительная часть этих свитков должна была быть 40 на пергамене.

^[2] Der Papyrussammlung der Berliner Staatlichen Museen, Pap. 5513. Последнее издание: [Whittaker, 1956].

^[3] Фрагмент Pap. Oxyrh. IV, 654, который обычно считают частью свитка. Доресс, однако, полагает, что это «фрагмент, о котором нельзя сказать, происходит ли он из книги или из свитка».

^[4] Не считая двух магических текстов, написанных на листах, не являющихся в полном смысле слова свитками.

^[5] Два из них — Глоссарий и «Дидахе» — Кале относит к среднеегипетскому диалекту ахмимского типа, но имеющему некоторые отличительные черты.

^[6] Хранится в парижской Национальной библиотеке (шифр Copte 42 135 C); издание: [Lacau, 1911].

^[7] Впрочем, бывали случаи, когда текст документа оформлялся в виде колонок-страниц, как, например, в донесениях Цезаря сенату.

^[8] Такого мнения, например, придерживается Хусейн.

^[9] Это наиболее древняя часть папирусных кодексов (вернее, остатков кодексов), содержащих библейские тексты, которые были приобретены А. Честер Битти.

^[10] Единственный более поздний пример — греческий одготетрадный кодекс 716 г. ; однако это не литературный текст, а документ (налоговый реестр),

^[11] Однако это не многотетрадные кодексы, т. е. они не состоят из тетрадей (кватернионов, тернионов и пр.), а объединяют два одготетрадных кодекса по несколько десятков листов каждый.

^[1] Теперь заросли папируса сохранились только на реках и озерах Тропической Африки.

^[2] Говоря о прочности, мы имеем в виду его устойчивость по отношению ко времени.

^[3] Даже в Египте не везде условия для долгого сохранения папируса были достаточно благоприятными. Таковым он был в Верхнем и Среднем Египте, но не в Дельте.

^[4] Существовал и вид бумаги из конопли: обрывки такой бумаги, возраст которых более двух тысяч лет, были найдены при раскопках в Китае в 1978 г.

^[1] В Европе изучение коптского языка было начато Афанасием Кирхером, который издал в 1644 г. латинский перевод грамматик Иоанна Саманнудского и Абу Йвхака йбн ал-Ассала (XIII в.).

^[2] Рим получал от Египта в I в. в месяц больше дохода, чем давала за год Иудея.

Превью: Copte 13, BNF

Еланская А. И. Коптская рукописная книга / А. И. Еланская // Рукописная книга в культуре народов Востока. Книга первая / Ин-т востоковедения АН СССР - Москва : Наука, 1987. - С. 20-103

https://fr.wikipedia.org/wiki/Cat%C3%A9gorie:Manuscrit_copte